

71-С (253.3)

Т41

кр.

ТИМОФЕЕВ Г.Н.

КАЗЫМСКАЯ
ТРАГЕДИЯ

Морис Зенделуан
Б. номер 0 мейн
0798. Тунапортс Л. Н.
15.03.2007г.

Г.Н. ТИМОФЕЕВ

КАЗЫМСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Эта книга издана к 80-летию со дня рождения историка-краеведа, художника Тимофеева Геннадия Николаевича.

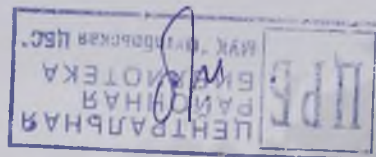
Искренне благодарим Думу и Администрацию МО «Октябрьский район» за оказание финансовой поддержки. Особые слова благодарности выражаем депутату Думы МО «Октябрьский район» ХМАО-Югра Садертдинову Язгару Зиннуровичу за первоначальный взнос в финансировании издательства трудов Тимофеева Г.Н., а также всем тем, кто оказал помощь в сборе материалов, редактировании и издании.

Депутат Думы МО
«Октябрьский район» ХМАО-Югра
Тимофеев В.Г.

Муниципальное казенное учреждение культуры
«Межпоселенческая библиотека
Октябрьского района»
Отдел комплектования
и обработки литературы

032576-1 4808

*Книга посвящается Светлой памяти
нашего отца Тимофеева Г.Н.
(члена союза журналистов России,
члена союза писателей России,
отличника народного просвещения,
историка, краеведа, художника)*

В данное издание вошли статьи, былины, очерки, рассказы, научно-исследовательские работы, показывающие красоту природы Севера, различные стороны духовной культуры коренных народов Сибири, которым он приклонялся и служил всю свою жизнь.

В книге представлены репродукции картин автора.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Геннадия Николаевича Тимофеева хорошо известно краоведам Ханты-Мансийского округа. Его публикации появились в печати в 70-е годы. Я с уверенностью могу сказать, что немного найдется в нашем округе людей, кто так хорошо знает свой край, как Геннадий Николаевич Тимофеев.

Работы Геннадия Николаевича отличает, что для своих исследований он выбирал мало изученные темы. Но тематике его работ при этом достаточно разнообразна: религия, фольклор, шаманизм, и др. Все работы историка-краоведа отличает лирическое изложение темы, в них присутствует отношение автора к проблеме, о которой он пишет. Немаловажно и то, что все они снабжены пристатейной библиографией.

В своих рассказах Г.Н. Тимофеев использует свои личные наблюдения, знакомства, встречи и тот огромный багаж, который он получил из различных литературных и архивных источников.

Т. Пуртова
зав. краеведческим отделом
Ханты-мансийской окружной библиотеки.

Однажды на областной выставке народного искусства, посвященной 70-летию Советской власти, я фотографировал наиболее понравившиеся произведения. Работы форматом около метра привлекли внимание необычностью сюжетов и колоритом с преобладанием красно-коричневых тонов. Около них непременно собирались зрители и с любопытством рассматривали загадочные сюжеты. “Крещение Югры”, “Аборигены древнего Казыма”, “Медвежий праздник” раскрывали что к чему, а вот “Мужской танец древне обского праздника Еляня” тюменцам представлялся совсем незнакомым. Наглядность костюмов, масок напоминали святочные игры ряженых. Рядом с этими картинами можно выделить сюжет о становлении советской власти в северных поселениях.

Две темы, как бы взаимно (веры и ее отрицания) сошлись в творчестве одного автора, озадаченного размышлением, что в картине важнее: правдивое изображение события или выражения личностного впечатления от него...

А. Валов
Искусствовед,
член Союза художников России, г. Тюмень

С большим интересом прочитал книгу своего давнего друга и коллеги по исторической науке Геннадия Николаевича Тимофеева – “Тайны сибирских шаманов”. Она опубликована в библиотечке журнала “Югра” в г.Сургуте. Произведение создано на основе личных общений с шаманами Обского Севера. Истинный подвижник культуры, отчего края, историк, этнограф и художник Г.Н. Тимофеев десятки лет посвятил исследованию культуры аборигенов северо-западной Сибири: ханты, манси, ненцы, селькупов, проживающих в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Много лет автор этого труда работал учителем истории средней школы, директором десятилетки в райцентре Октябрьском на Оби, преподавал историю в Тобольском педагогическом институте.

М. Бударин
Доктор исторических наук,
профессор Омского педуниверситета,
член-корреспондент Академии Высшей Школы

ОСЕНИ БЛИЗКОЙ ЗОРИ МАНЯЩИЕ

После окончания гражданской войны старый партизан Александр Иванович Мингалев поселился в маленькой и тихой деревушке Сускурт, на берегу Нижнегорской протоки. Окрестности ее были настолько богаты и благодатны, что пришлые люди и коренные жители Севера с незапамятных времен поселились здесь. Еще в 1679 году царь Алексей Михайлович передал Кондинскому Троицкому монастырю земли "на три версты во все стороны", а также кедровый лес в 150 десятин, прилегающий к деревне Сускурт. В урожайные годы жители собирали здесь до 900 пудов кедрового ореха...

Кедровый лес (масло, ДВП)

Рыболовные места и охотничьи угодья были очень богаты рыбой и дичью. Летом по Нижнегорской протоке поднимался на нерест сибирский осетр, стерлядь, нельма, сырок. Напротив поселка, за прибрежными кустами густого тальника, расходились узкие проточки, которые разливались по небольшим ерикам, соединяя множество неглубоких кормовых соров...

Той осенью Александр Иванович подарил своему сыну Косте старую, но еще добротную берданку и впервые отпустил на самостоятельный промысел. Мальчику тогда исполнилось девять лет. Сам он был небольшого роста, чуть повыше ружья.

Костя долго выбирал место, чтобы построить скрадок. Опыт у маленького охотника был невелик, но при обустройстве потайного места были учтены главные условия: выход "бойниц" в сторону севера, откуда летели утки, удобное прикрытие с юга кедровым бором, близость кустов, в которых была спрятана калданка.

Вечер выдался теплым и тихим. Над водной гладью Вандымтора одна за другой тянулись стаи уток. На дальнем горизонте медленно летели журавли и гуси... Костя несколько раз бывал с отцом на охоте. Он уже знал многие повадки птиц, научился по одному только свисту крыльев определять породу уток. Поднебесная музыка живой природы его завораживала, по сути он стал поэтом живой природы, с малых лет обладал сильным свойством ощущать себя частью всего мироздания.

До сей поры Константин Александрович, как только сойдут снега, на все лето поселяется в отчем доме в осиротевшем Сускурте, чтобы здесь, вдалеке от людской сутолоки и суеты, оставаться наедине с природой. Он - рыбак и охотник, но не рвач, не браконьер и не хапуга. Односельчане-ханты научили его постижению тайн природы, поклонению ей как святыне, В народных обрядах и традициях он находил ключ к постижению нравственных норм, которые формировали мировоззрение и философское осмысление своего предназначения на земле...

Но вернемся к первой охоте. С нее Костя вернулся окрыленный удачей. Не дожидаясь похвалы (это не принято в семьях охотников), он разложил около русской печи добычу. Однако отец, взглянув на битую дичь, нахмурился и сказал: "Плохой ты охотник".

Сильно смущенный. Костя не мог понять недовольства отца - на полу лежали красавцы-селезни, большой острохвост и серые утки. Отодвинув их в сторону, Александр Иванович строго спросил: "Какой дурак научил тебя бить молодняк? Ты посмотри, как ведут промысел ханты. Они - мудрые охотники".

Отец долго рассказывал маленькому Косте о "правилах хорошего тона" на охоте. Из длинного рассказа старого человека мальчик понял, что сама охота очищает от варварского отношения к природе. В дальнейшем Константин Александрович часто делился этими знаниями с начинающими охотниками.

- Промысловики бывают разные, - рассуждал Александр Иванович. - Есть охотники-лосятники, которые занимаются особым промыслом, есть охотники - "пушняки", промышляющие пушного зверя. Все они стараются не убивать молодняк и самок...

В жизни коренных народов Севера отношения человека с природой регулировались только традициями. Причем, как свидетельствуют ученые, эти традиции закреплялись в системе религиозных представлений и составляли тот кодекс народной мудрости, который определял все поведение человека. Они состояли из множества запретов, которые служили важнейшим жизненным правилом.

На территории Югры существовало множество священных мест. Исходя из поверий ханты, манси и ненцев, в таких местах нельзя было трогать землю, громко разговаривать, ловить рыбу, охотиться, пить воду и так далее. Это были настоящие заповедные места, регулировавшие разумный баланс экологии природы и души человека. Нельзя забывать о том, что от жизни человечества, от веков и поколений оставалась на земле первозданная природа - доброе, высокое и прекрасное творение. И что мы - жители третьего тысячелетия - оставим потомкам?..

Уже давно нет деревни Сускурт, кедровый бор сожгли браконьеры. Давно ушли из жизни исконные хозяева Югорской земли, которые берегли и лелеяли родные места. Об оскудении природных запасов нашего северного края сегодня свидетельствует многое. Чтобы ощутить весь трагизм гибнущей природы, достаточно прочитать философско-драматические произведения известного хантыйского писателя и общественного деятеля Е. Д. Айпина "В тени старого кедра", "У гаснущего огня", "Обреченные на гибель". Еремее Даниловичу не надо ездить в стойбища рыбаков и охотников, он многие годы прожил в тайге и не понаслышке знает о многострадальной судьбе своего хантыйского народа. Эта трагедия заключается в гибели окружающей земли, традиционного хозяйства и культуры охотников, рыбаков и оленеводов.

Безусловно, прошлое вернуть нельзя. Невозможно реставрировать традиционный образ жизни коренного населения нашего края. Но есть пути цивилизованного подхода к проблеме охраны природы. И в этом случае "экономна мудрость бытия - все новое в нем шьется из старья". Возвращение к заповедным зонам теперь уже не ритуального, а светского содержания - это один из рентабельных и действенных путей спасения нашей гибнущей природы.

В нашем Октябрьском районе создан крупнейший заказник Унтор. Идет проектирование районного природного парка "Мойм", который будет расположен на одноименной таежной речке, притоке Большого Атлыма. На западной границе района расположен государственный заповедник "Малая Сосьва"... Символом подобных охраняемых зон является возрождение еще сохранившегося в нашей памяти священного отношения к природе, хозяйского отношения к земле, на которой мы живем.

Философия охотника крайне проста. Она зиждется на убежденности в том, что человек - часть природы. За каждым выстрелом должно стоять философское и обыденное осмысление взаимоотношений Человека и Природы.

Пейзаж возле п. Октябрьское, 1997 (масло, ДВП)

Л.Д. ТРОЦКИЙ НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ

I

В 1907 году Кондинский Троицкий монастырь (он располагался на территории нынешнего райцентра Октябрьское) торжественно отметил свое 250-летие. О его великолепии писатель К.Д. Носилов, посетив монастырь в третий и последний раз, рассказывал друзьям: “Я прощался с божьим храмом летом... Вокруг – зеленая трава и сад, а в огородах росли картофель, репа, редька, капуста, огурцы, морковь, возделанные руками монастырских сестер. Я поразился опытным участком земли, на котором сеяли рожь, овес и ячмень. Все это – самое лучшее средство обратить остяков в оседлых жителей...”

Прекрасные воспоминания о Кондинской женской обители остались у Льва Давыдовича Троцкого, который побывал здесь в декабре 1906 года. Путь его лежал в Обдорскую ссылку.

Когда установился санный путь (“веревочка”) от Тобольска до Обдорска, кондинский ямщик Ефим Петрович Паршуков привез Троцкого в свою ямскую избу и пригласил на ночлег ссыльного и охрану из двух служивых людей. Утром следующего дня, осматривая окрестности красивого села, Лев Давыдович, будучи человеком неверующим, посетил местный монастырь из любопытства. Великолепие внутренней части обители поразило его не менее, чем красота строений в соседстве с церквями северной столицы, расположенных вокруг Смольного...

Больше всего Троцкого поразила на этом краю света богатая библиотека. Кроме книг светского и церковного содержания, в библиотеке имелось много рукописей в самодельных твердых переплетах. Среди них хранилось несколько томов писаний здешнего ученого монаха Василия Васильевича Вологодского (одного из родственников будущего премьер-министра Сибирского правительства в Омске). В одном из томов Вологодский записал множество любопытных наблюдений из жизни инородцев, сцены камланий и тексты, песен шеркальского шамана Каксина. Когда Л.Д. Троцкий рассматривал портрет Тобольского митрополита Филофея Лещинского, писанного в полный рост художниками Тобольских иконописных мастерских, и картину “Страшный суд”, подаренную монастырю еще царем Алексеем Михайловичем, дверь за алтарем жалобно заскрипела и, обернувшись, Лев Давыдович увидел вошедшую в игуменском облачении настоятельницу женской обители Серафиму. Сняв пенсне, Лев Давыдович низко поклонился монахине и тихо произнес: “Здравствуйте, я – Троцкий”. В ответ прозвучало: “Я вас знаю”.

Настоятельница обители от неожиданности и полной растерянности помотала головой, не веря своим глазам и ушам, повернулась и быстро скрылась за иконостасом.

. Она вспомнила Смольный институт и, склонившись к чуть приоткрытым “царским дверям”, через притвор, смотрела на Троцкого, ладонями рук смахивая с лица набегавшие слезы.

А Лев Давыдович, выйдя из храма, всю дорогу усиленно пытался вспомнить: где, когда и при каких обстоятельствах он прежде встречал эту красивую женщину. В момент задумчивости он по давней привычке пощипывал себя за вьющиеся волосы около правого уха, быстрыми движениями рук поглаживал холеную бородку. Но все его усилия вспомнить, где же он встречал настоятельницу, оставались тщетными.

Всю дорогу до Березова Л.Д. Троцкий пытался напрячь свою память, чтобы воскресить в ней столь дивное создание... Наконец, ему удалось признать в участнице мимолетной встречи одну из слушательниц Смольного института благородных девиц. Встреч с ней случилось немного, но они всегда были очень приятными и весьма значительными для обоих. Однако общение было неожиданно прервано по причинам, от них независящим... С тех пор прошло не так уж много времени, но как далеко занесла судьба людей, когда-то познакомившихся в теперь далекой российской столице. Эта красивая женщина по воле злого рока стала настоятельницей Кондинского женского монастыря, затерявшегося в самых глухих дебрях Зауралья. Что привело сюда бывшую слушательницу Смольного института? Об этом монахиня Серафима никогда и никому не рассказывала, а расспрашивать ее об этом никто не смел.

Дорога шла берегом Оби. На высоких песчаных увалах величественно покоились, могучие кедры, обильно осыпанные снегом. Левобережье, покрытое белым саваном, тянулось далеко-далеко к горизонту и там терялось в мареве тусклого зимнего дня. В морозной тишине плыл упоительный звон валдайского колокольчика. Душа и разум опального вождя революции невольно таяли в небытии, теряя себя, пространство и время...

Л.Д. Троцкий в Березово

II

Участники первой русской революции были жестоко наказаны. Виднейший из ее деятелей, будущий организатор Советского государства и Красной Армии Л.Д. Троцкий был арестован и выслан для отбывания срока ссылки в Заполярье – в Обдорск.

В конце декабря 1907 года он прибыл в Березово, не доезжая до места ссылки 500 верст. Расквартирован был в доме своего будущего спасителя Кузьмы Илларионовича Коровина (партийная кличка “Коровьи ножки”). Мужчина был коренаст, невысокого

роста, с походкой человека, долгое время служившего в кавалерии. Взгляд его серых глаз был умным и проницательным. Хотя он был из рабочих, но по внешнему виду был похож на сибирского старообрядца.

Аборигены древнего Казыма, 1987 (масло, холст)

Позже революционно настроенный Кузьма Илларионович за участие в большевизации Советов был предан суду, но при вынесении приговора Тобольский комиссар В.Н. Пигнатти добился для него смягчения наказания (будучи сам, по его словам, “народным социалистом”). После установления Советской власти на Обском Севере весной 1918 года, К.И. Коровин был избран председателем Реввоенсовета Березовского ревкома. А в 1923 году председатель Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкий подписал удостоверение за номером 12380, в котором отмечалось: “Представитель сего... Кузьма Илларионович Коровин (“Коровьи ножки”) – старый друг революционеров, оказавший им неоднократно крайне важные услуги в ссылке... В частности, мой побег из Березова организовал тов. Коровин, который поплатился свободой, а потом, при белых, едва не поплатился и жизнью”.

За побег Троцкого березовский исправник Иринарх Евсеев был уволен с работы, а его семья была вынуждена уехать в Тобольск. Но все это было позже...

Существенной разницы между Обдорском и Березовом не было. Более того, городок Березово был тем захолустьем, в котором отбывали ссылку опальный друг Петра Великого светлейший князь Александр Данилович Меншиков, канцлер России Остерман с семьей, князя Долгоруковы и другие. Учитывая гостеприимство семьи Коровиных, Лев Давыдович решил отбывать ссылку в Березово.

Засыпанный до самых крыш снегом провинциальное городишко жил своей размеренной, глубоко упрятанной в патриархальное благочестие жизнью. Только перезвон колоколов приходской церкви да шум озорной детворы в ограде уездного училища, открытого здесь в 1820 году, придавали Березову дыхание мирской обители. Отсутствие преступлений в нем не востребовало даже обычного острога, совершенно лишнего и несовместимого с "...доброй нравственностью здешних обывателей".

В доме Коровиных всегда было чисто. Как и во всех домах поселения, в квартире Кузьмы Илларионовича стены были обиты шпалерами, стол накрыт белой чистой скатертью, в переднем углу несколько икон с горящими перед ними лампадами. Лев Давыдович был атеистом, вместе с тем, весьма веротерпим. При каждой встрече с верующими, или глядя на иконы, он в своем подсознании улавливал сомнения и противоречия, которые сознательно отгонял, не допуская их логического разрешения, из-за боязни победы души над разумом. Преисполненный воинствующим рационализмом, он согласен был с требованиями большевиков об отделении церкви от государства.

Троцкий целыми днями, раскладывая листки исписанной им бумаги, как игорные карты в хитросплетенном пасьянсе, еще и еще раз выверял свои позиции по отношению к теории и практике первой русской революции, проверял свои доводы в спорах с Лениным и большевиками. Троцкий описывал революцию так, как он ее совершал, будучи одним из ее вождей, вопреки тем, кто писал о ней, ее не совершая, кто мешал ее логическому развитию...

А может быть, он ошибался? Может быть, история революции пойдет иным путем? Может быть, большевики правы и видят намного дальше, чем он и его единомышленники? Во всех этих сомнениях не мог Троцкий предвидеть только одного: всего ужаса той трагедии, которую было суждено пережить России после прихода к власти большевиков. И только на склоне своих лет, далеко за пределами родины, "прокручивая" события и свои мысли он обнаружит правоту своих взглядов на единственно верный для России путь, который ей открывался после событий Февральской революции.

Упоительно мирными, по-домашнему уютными были для Троцкого зимние вечера, которые он проводил за чаем в нескончаемых разговорах с Кузьмой Илларионовичем Коровиным. Лев Давыдович знал, что сибирские крестьяне, не знавшие помещичьего давления, были более богаты, чем землепашцы центральной полосы России. Он понимал, что сибирское крестьянство стоит далеко от политики и от революции, был уверен в том, что крестьянство в целом (тем более, – сибирское) на революцию не пойдет. Главное требование крестьян состояло в том, чтобы власти отдали землю тем, кто ее обрабатывает. Большевики же после своего прихода к власти хотели сделать землю общей. Это крестьянам понять было труд. С незапамятных времен смутного периода в России они хотели только одного: получить землю в свои руки. Будет у них земля – будет у них хлеб и свобода.

В разговорах о земле Лев Давыдович и Кузьма Илларионович находили общее мнение. Правда, Троцкий, учитывая пассивность крестьян, с жителями Березова почти не встречался. Да и сами обыватели городка в первые дни поселения Троцкого сторонились не только его, но и Кузьмы Илларионовича, приютившего у себя ссыльного. Но узнав от с Коровина, о чем он разговаривает с Троцким, сельские жители стали маленькими группами навещать квартиру Кузьмы.

Лев Давыдович был одним из самых лучших ораторов своего времени. Рабочие на фабриках и заводах, слушая изумительные по логике выступления, всегда чувствовали высокий слог, глубину мысли, которые, опираясь на реальную жизнь, ни у кого не вызывали сомнений... И сколько бы ни были пассивны революционным преобразованиям сибирские крестьяне, – они по-своему их обсуждали, по-своему оценивали подписанный царем “Манифест 17-го октября”, не исключая домыслов и кривотолков. Беседы о “Манифесте” не были крамольными, и березовские миряне хотели услышать о дарованных свободах от столичного человека. Они интересовались, главным образом, экономическими вопросами, сохраняя традиционную верность царю и Отечеству. Правда, и здесь, в таежном захолустье, жестокость полиции или вымогательства незадачливого священника иногда становились причинами “трений”, но эти скандалы не переходили в осуждение существующей системы в целом.

Троцкий прекрасно понимал, что крестьяне, если и поддерживали социал-демократов или эсеров, то это совсем не означало, что они составляли самостоятельное движение... Часто он приходил к мысли о том, что крестьянство – это сила, склонная к насилию и анархии, как только ослабевают над ней контроль и власть государства.

При свете самодельных лампад беседы Троцкого с крестьянами длились до позднего вечера. Они не утомляли, они успокаивали мятежный дух вождя революции и вселяли четкий алгоритм в его теоретическую схему дальнейших перспектив русской революции. О них он тоже, весьма осторожно, рассказывал гостям, увлеченный не духом пророчества, но глубочайшим знанием истории России ясным представлением пути ее развития с учетом расстановки социальных сил и четким пониманием ошибок политических партий, которые боролись за власть. В подробности своих разногласий с большевиками в разговорах с гостями он не вдавался. Но то, что было интересно крестьянам, рассказывал так, чтобы была понятна сама суть этих разногласий.

Однажды Кузьма Илларионович за поздним чаем, когда все гости разошлись, сказал:

– Лев Давыдович, нельзя вам сидеть здесь, надо бежать в Россию.

– В Россию – нельзя, а за границу – нужно, – ответил Троцкий не задумываясь.

С того памятного дня началась подготовка к побегу из Березова.

Побег Л.Д. Троцкого из Березова

III

Шел март 1907 года. Однажды поздним вечером Кузьма Илларионович Коровин вывез Троцкого на своей лошаденке за село и в березовой роще, где ждала его оленья упряжка, тепло простившись, отправил Льва Давыдовича в город Ивдель. Время побега было выбрано удачно. Начиналась весенняя распутица. Всякая связь Березова с внешним миром затихала, и это усыпляло бдительность властей, обязанных присматривать за ссыльным поселенцем.

Редко кем езженной просекой, по которой по особой нужде, от паула к паулу, иногда ездили здешние вогулы и решили воспользоваться Троцкий с Коровиным.

Лев Давыдович впервые видел приуральскую тайгу в ее самых отдаленных окраинах. Она произвела на него сильное впечатление. Больше всего поражала величественностью ее кедровых урманов и сосновых боров, которые пересекались широкими болотами, еще сплошь покрытыми снежными завалами. Особенно привлекательными казались таежные перелески в лунные ночи. Погода стояла тихая и теплая. Спокойная езда под звон колокольчиков оленьих упряжек располагала к глубокому раздумью. И перед ним “пролетали” события последних пяти лет, так сильно встряхнувшие Россию и ее многострадальный народ.

Вспоминались эпизоды борьбы различных партий политических группировок, обострившие противоречия между большевиками и меньшевиками.

Осень (акварель, картон)

Но Троцкого больше всего беспокоили пагубность и возможные трагические последствия от позиции большевиков, утопичность и порочность которой так хорошо видели Маркс, Плеханов и Каутский. Все беспокойство это сводилось к тому, что тактика большевиков предусматривала насилие, диктатуру и неизбежность кровопролития

В Няксимволе Троцкий сделал трехдневную остановку. Остановился на квартире у Трапезникова, жившего с семьей в добротном пятистенном доме, расположенном на самом берегу Сосьвы. Далее Льва Давыдовича было решено сначала взять до Николая Кирилловича Самбиндалова, который жил в своем пауле за Усть-Маньей, с тем, чтобы тот на своих оленях отправил его через Бурмантово и Талицу в Ивдель. Этот отрезок пути был самым важным и самым сложным. За Усть-Маньей начиналась мало кому известная дорога по предгорьям Урала. Там заканчивались земли Березовского уезда, там начиналась железная дорога, ведущая в Россию.

К вечеру второго после выезда из Няксимволя дня, не останавливаясь в Усть-Манье, Троцкий проехал в Евтын-сос, где жил Самбиндалов и его сын Николай. Селение состояло из нескольких паулов, в которых жили братья Самбиндаловы с семьями. Почти все они имели по несколько десятков оленей.

Маленький ростом, очень подвижный проводник – вогул Анемгуров (по прозвищу “Худы Костя”) – представил Самбиндалову Льва Давыдовича как ученого изучающего реки Сибири... Он подал записку от Трапезникова. Прочитав, Самбиндалов бросил ее в огонь чувала. Он был грамотным – две зимы учился в Березовском училище, когда там смотрителем был Николай Алексеевич Абрамов.

Николай Кириллович Самбиндалов внешностью был похож на индейца. Глаза его, черные, как спелые смородины, тонкий с горбинкой нос, необычный для манси, выдавали невогульское происхождение. Каково было удивление Троцкого, когда он в переднем углу просторного и чистого дома увидел несколько икон с горящей перед ними лампадой. Еще больше поразило Льва Давыдовича то двоеверие, которое исповедовал Самбиндалов. Он был шаманом. В то же время он, как и его жена, был крещеным. Как все это совмещалось, супруги Самбиндаловы объясняли довольно просто: Бог – един. Троцкий, будучи неверующим, мало интересовался богословием, и такой ответ был для него вполне убедительным.

До Ивделя предстояло преодолеть еще более ста верст. Сын Николая Кирилловича должен был ехать туда к знакомому сапожнику Ивану Ивановичу Шаршину, чтобы договориться о временном жилье для Троцкого и купить ему билет до Екатеринбурга.

Весна не торопилась. Погода, как всегда в этих местах, была крайне неустойчивой. Лев Давыдович, сидя у теплого чувала, делал кое-какие записи в блокнот.

А вечерами, когда Самбиндалов возвращался с охоты или рыбалки, они до поздней ночи вели разговоры о недавних событиях в России. Николаю Кирилловичу оставалось только дивиться тем подробностям, о которых рассказывал гость, не ведая о том, что перед ним сидел один из вождей первой русской революции и председатель Петроградского Совета рабочих депутатов. В целях конспирации Троцкий рассказывал таежному охотнику о событиях революции как один из ее рядовых участников.

Николай Кириллович, не ради простого любопытства спрашивал, гостя о том, ради чего люди поднялись на борьбу друг с другом. Слухи и отрывочные известия об этом доходили на край света в разных толкованиях, разобраться в которых было трудно. Когда же Лев Давыдович рассказал о позиции большевиков по поводу национализации земли, старый охотник никак не мог понять, как же можно добывать пушного зверя, соболя, дикого оленя, если земля будет общей. На миг он представил большую деревню, в которой живут десятки охотников, сообща владеющие капканами, ловушками, сетями, лодками, оленями, собаками и лыжами, имеющими общие угодия: реки, озера, тайгу. Ему было совершенно непонятно, как люди могут так жить и все враз пользоваться одним и тем же. Поэтому он полностью разделял точку зрения Троцкого, который говорил, что общая земля – это ничья земля, что она, как и угодия охотников и рыбаков должна иметь одного постоянного хозяина...

Когда же Троцкий стал однажды рассказывать о равноправии и о национально-культурной автономии как о главной сути, Самбиндалов это быстро и хорошо понял. Он, как бы убеждая себя в правоте своих суждений, сказал: “Все должны быть одинаковы, никто не должен быть ни “над”, ни “под”. Троцкий невольно улыбнулся, услышав столь лаконичное определение права нации на самоопределение, и остался доволен таким пониманием сути национально-культурной автономии.

На второй день после этого разговора стало теплее. Ветер утих, над тайгой поднялось солнце. Троцкий, выйдя из избы, увидел высокие сосны, темный кедр на другом берегу речки и залюбовался столь дивной красотой приуральской тайги. Слева был слышен отдаленный шум падающей воды.

– Что там за шум? – спросил Лев Давыдович у Самбиндалова, сидевшего на нарте и очищавшего ивовые прутья для гимки.

– Это пережат шумит на речке, – нехотя ответил Николай Кириллович.

– Я пойду посмотрю.

– Иди. Только выше пережата не ходи. Гору увидишь, – иди обратно. За горой живет Ворсик-Ойка. Он – лесной дух, я – его хранитель. Туда могут ходить только мужчины нашего рода. Там наше священное место.

Тропинка к перекату шла по самому берегу речки. На открытых местах, где успел сойти снег, были хорошо видны корни могучих деревьев, переплетенные в тугие узлы, похожие на гладкие, почерневшие от времени кости. Минут через пять ходьбы Троцкий подошел к большому перекату. Под обнаженным каменистым увалом, на котором росли стройные сосны с медно-золотистыми стволами, перекатываясь по большим валунам, плескалась вода. С камней скатывалась прозрачная волна и ее пенистые гребни медленно растекались по омуту. Картина эта была таинственной и торжественной. Сглаженность рельефа и каменистый увал, заросший лесом, напоминали о близости Урала. Здесь все реки текут поперек Каменного пояса, образуя пороги и перекаты в узких долинах.

Долго стоял Лев Давыдович у шумного переката, очарованный этим чудным уголком дикой природы. Именно в эти минуты он ощутил весь ужас братоубийственных событий на Красной Пресне в декабре 1905 года, когда в грохоте выстрелов совершалось чудовищное кровопролитие. Какое зло творят себе люди и какое умиротворение царит в природе! Троцкий впервые ощутил всю пагубность человеческого зла и доброту философии незримо мыслящей природы. Видимо, прав был великий Жан Жак Руссо, когда звал людей “назад в природу”.

Священное место (масло, холст)

Не удержался Лев Давыдович и заглянул за увал, где находилось священное место, охраняемое Николаем Кирилловичем. Пройдя метров сто по тропинке, обогнув увал Троцкий увидел на самом берегу избушку на высоких столбах-опорах, приставная дверь которой запиралась двумя деревянными поперечинами, вложенными в железные скобы, вбитые в косяки. Чуть виднелись остатки старого столба, обмотанного разноцветными тряпками, и длинное бревно у большого кострища.

Метрах в десяти от столба стоял деревянный идол, грубо вырезанный из толстого кедрового ствола, высотой более метра. Голова у идола занимала третью часть обрубка. С двух сторон лицевой части были сделаны глубокие плоские выемки, образующие глазные впадины и щеки. Широкой поперечиной были обозначены брови и таким же образом вырезаны глазницы, на короткой шее – привязаны полоски белой и красной ткани, которые судорожно “вздрагивали” при каждом движении ветра.

В целом “пейзаж” производил гнетущее впечатление, невольно появлялось чувство какого-то необъяснимого, остро ощутимого мистического страха. Возникал он не от ощущения святости, а от присутствия каких-то, как показалось Троцкому, реальных живых существ. Чтобы освободиться от наваждения Лев Давыдович поспешил уйти от святилища, где, видимо, часто совершались ритуальные варварские обряды.

Подойдя к перекату, Троцкий снова остановился, охваченный восхитительным зрелищем, и, умиротворенный необъяснимым чувством сопричастности с этим великим чистилищем лесной воды, он вернулся в мансийский паул.

Завершение ссылки Л.Д. Троцкого

IV

Троцкий, еще не доходя до дома Самбиндалова, услышал разговор людей и перезвон колокольчиков оленьих упряжек. Выйдя из Леса, он увидел у дома Николая Кирилловича мужчин, которые, взяв за руки лежавшую на нартах человека, внесли его в дом, стоявший рядом с домом шамана. От Трапезникова Лев Давыдович слышал, что Самбиндалов был большим шаманом. Он мог угадывать будущее, лечить людей, знал заговоры. В округе ходили разные слухи о чудесах и фокусах, которые шаман искусно демонстрировал зрителям. Выдался случай увидеть камлание, и Лев Давыдович в ответ на пояснение Самбиндалова о том, что привезли больного, попросил разрешения посмотреть, как шаман будет лечить приезжего.

“Камлать буду ночью”, – сказал Самбиндалов. Он взял пучки сухих трав, принесенные с вышки, от которых шел острый запах, и стал растирать их ладонями, рассыпая по долькам на семь маленьких кучек.

Он долго смешивал одни травы с другими, что-то нашептывал, ссылая их в две большие железные кружки. Оставшиеся смеси трав шаман завязал в отдельные тряпочки и положил их за пазуху своего старенького совика. Затем он сел возле очага, поджав под себя ноги, уперся взглядом в горящие угли чувала и, отрешенный от всего, просидел так не менее часа.

Шаман (масло, холст)

Когда на улице совсем стемнело, Николай Кириллович принес из амбарчика шаманский бубен и кивком головы пригласил Троцкого следовать за ним в соседний дом, где лежал больной. Там было тихо. В левом от входа углу в чувале горели дрова, поставленные вертикально, над ними висел большой медный чайник с кипящей водой. Больной лежал на нарах, накрытый красивой женской малицей. По обе стороны от него сидели мужчины, негромко переговаривавшиеся друг с другом. Николай Кириллович подсел к чувалу, приставил к нему бубен, чтобы нагреть его кожу от огня. Он сидел спиной к мужчинам, смотрел на горящие в чувале поленья и что-то негромко шептал. Затем начал часто стучать в бубен колотушкой. Неожиданно быстро вскочил на ноги, закружился на одном месте, сгорбившись и кривляясь, по-прежнему заглядывая в дымоход чувала. В грохоте бубна и перезвоне подвесок, прикрепленных к внутренней стороне ободка, было слышно, как шаман кого-то звал. Встреча его с вызванными духами застала всех врасплох.

“Пася олэн, здравствуй”, – обратился шаман к тому, кто “пришел”. Он произнес эти слова с такой явной откровенностью, при которой незримое ощущение пришедших духов вселяло в присутствующих магический страх. Лев Давыдович, казалось, тоже ощутил присутствие какой-то необъяснимой силы, но не видя собственными глазами, он не хотел верить ощущениям. Однако это было сверх его сил...

Шаман тем временем убедительно просил “пришедших” к нему духов о том, чтобы они показали злого человека, напустившего хворь на больного. “Вот... вот... знаю... вижу. Это казымский остяк... белый старый горбун. Это он”, – сказал шаман и лег на пол возле чувала. Так он лежал минут пять. Жизнь будто покинула его. Он лежал с закрытыми глазами, и бубен, упавший на грудь, “не выдавал” дыхания. Это искусство души “покидать” свое тело, искусство “умирать”, оставаясь живым, было доказательством того, о чем читал Троцкий когда-то, не ведая увидеть это чудо наяву.

Шаман, резко вздрогнув, вскочил снова на ноги и заметался по дому. Положив бубен и колотушку на больного, он, растопырив пальцы рук, стал быстрыми движениями как бы сдирать и выбрасывать в огонь чувала что-то только ему ведомое. Через мгновение он снова дробно застучал колотушкой по бубну, и в каскаде восклицаний можно было только понять, что он, шаман взял на себя всю хворь больного и просит духов вернуть болезнь белому горбатому остяку с Казыма.

“Сам... сам, белый горбун, возьми себе эту хворь. Если сможешь, – лечись”, – восклицал шаман.

– Да, да, да-да, ты, горбун – злой человек, – кричал шаман.

– Да, да... он много людей увел по дорогам в царство мертвых, пусть духи покарают его за это, вторили гости.

Плохая слава ходила за “черным” шаманом с белой головой, который жил в самом верховье Казыма. Тосман-ойка был и седой, и горбатый, имел мрачный и злой характер. Люди замечали, что после встречи с ним приходили беды и неудачи...

Камлавший Самбиндалов, положив у чувала бубен и колотушку, приподнял за веревочку над тлеющими углями нож и стал внимательно наблюдать за вращающимся лезвием. Когда нож стал неподвижным, шаман закричал: “Вижу... вижу... Жить будет Евлашка”. Он подошел к родственнику больного, отдал ему приготовленные травы и рассказал, как готовить из них отвары и настои.

Шаман сел к чувалу, прислонился плечом к стене и, глядя на тлеющие угли, устало стал качать головой. Это было знаком прощания с его духами и знаком окончания камлания. Приезжие взяли больного на руки, вынесли его из избы, уложили на нарту и, покрикивая на оленей, уехали из стойбища...

Троцкий заинтересовался даром пророчества шамана и спросил: “Можешь ли ты предсказать мне судьбу?”. “Да”, – ответил Самбиндалов вполне категорично. Лев Давыдович решил поинтересоваться своим будущим. Шаман взял Троцкого за кисть руки, внимательно посмотрел на бороздки на ладони, стал быстро водить указательным пальцем по мелким морщинкам, приговаривая: “Хороша твоя судьба... Ты будешь большим человеком... Но умрешь ты в старости и умрешь далеко от родины от злобы своих родственников или очень близких людей”.

Чтобы скрыть свои сомнения и растерянность, Троцкий перевел разговор на камлание. “Как ты узнаешь будущее?”, – спросил он, полагая, что такой прямой вопрос заставит шамана признаться в несостоятельности... Однако вопрос не смутил шамана. Он уверенно стал рассказывать о своем методе предсказаний:

“Когда я начинаю предсказывать или шаманить, моя душа теряет свое тело и улетает в верхний мир, в царство духов. Когда начинаю говорить с духами, я могу слышать то, что на земле услышать не могу, вижу то, что на земле никогда не увижу. Когда я спрашиваю духов о том, что было или что будет, они мне говорят об этом, а я передаю людям. Духи знают все...”.

Немало времени рассказывал Николай Кириллович о камлании. Многого из сказанного Троцкий не понимал. Но один вывод был для него бесспорным: в прозрениях детей природы так много слепоты наших атеистов... Долго сидели два человека у потухшего чувала. Каждый из них, потеряв физическую сущность, был в ином мире, растворившись во времени и в пространстве.

К полудню следующего дня из Ивделя вернулся Николай. Все было улажено: куплен билет на поезд до Екатеринбурга, при соблюдении конспирации найдена временная квартира. Простившись со старым шаманом, Троцкий последний раз в жизни отправился в путь на оленьей упряжке.

Последний раз Самбиндалов шаманил перед самой войной. Молодой охотник Константин Константинович Ануфриев из Няксимволя, друг его сына, как-то попросил шамана предсказать судьбу. Николай Кириллович обычно всегда, мрачнел когда “видел” и сообщал просителю получаемую информацию о нескладной судьбе. Но мог скрыть старый шаман от Константина того, что после страшных испытаний и “ходьбы” по дальним странам его ждет трагическая смерть у себя дома.

Перед ледоходом старый шаман, которому должно было скоро исполниться семьдесят шесть лет, занемог и незадолго до рекостава умер. Хоронили его на родовом погосте со всеми почестями знатных людей рода. Все предсказания, сделанные им (особенно в послед годы жизни) сбылись. Но только два из них сбылись

после смерти Самбиндалова. Накануне второй мировой войны в далекой Америке был злодейски убит Лев Давыдович Троцкий. Но убит не родственниками, по указанию когда-то близкого соратника, волею судьбы ставшего в России великим человеком. И как предсказывал лесной кудесник, умер Троцкий вдали от родины.

Константин Ануфриев, будучи танкистом, дорогами Великой Отечественной с боями прошел от Москвы до Берлина. Закончил войну старшиной, имел много боевых наград, в том числе – два ордена Славы. Получив назначение в родную школу в Няксимволе преподавателем военного дела, он возвращался домой из Тюмени через Ивдель, чтобы побывать по пути у своих родственников в Талице.

Путь его лежал по дороге, по которой почти сорок лет тому назад проезжал Троцкий, тайком выбираясь из ссылки. Чем ближе подъезжал Константин к родным местам, к родному дому, тем сильнее сжималось его сердце от радости возвращения. Он был счастлив. Но где-то глубоко в подсознании порой все чаще всплывали слова пророчества старого шамана Самбиндалова, к угожьям которого подъезжал Ануфриев.

Погода стояла тихая и теплая. Оленья упряжка быстро неслась по насту, и звон бубенчиков благостно отзывался в душе, которая недавно так благополучно вырвалась из железного грохота пропахшего дымом танка. Радость переполняла его сердце, она счастливыми слезами увлажняла недавно отпущенные усы. Константину казалось, что счастье будет вечным и бесконечным.

Не доезжая до Евтын-сопаула, где раньше жил старый шаман, где дорога по крутизне спускалась к речке и, сильно “виляя” по увалам, делала крутой поворот, олени, оторвавшись от первой нарты, стремительно понеслись вниз. На крутом повороте упряжка, чем-то напуганная, бросилась врассыпную, и нарта уже без оленей понеслась, как будто в какую-то пропасть, ударилась со страшной силой о высокую лиственницу у самой дороги и рассыпалась в щепки. От сильного удара головой о ствол лиственницы Константин потерял сознание...

Хоронили Константина Константиновича в родном Няксимволе. Люди несли его портрет, множество боевых наград, пихтовые венки, перевитые траурными лентами. В дальнейшем еще долгие годы как вечная дань живым и бессмертным душам умерших на его могиле постоянно, зимой и летом, лежали цветы.

БЫЛИНЫ ДРЕВНЕЙ ЮГРЫ

Одна из наиболее распространенных тем эпоса народов ханты и манси – «добывание» жены. Но ни в одном из сказаний не указывается, что герой берет себе в жены женщину из своего стойбища. Наоборот, всегда подчеркивается, что он один или с друзьями, или с членами своей семьи отправляется сватать жену в «чужую землю», «на другой край света». Этот путь всегда связан с трудностями, опасностями и возможностями трагической развязки. Но обычно герой успешно преодолевал все преграды и поход оканчивался тем, что богатырь с невестой возвращались домой.

Народная фантазия делала невесту виновницей похода и облагораживала личность богатыря. Такой поход не был связан с грубым насилием, он не ставил цели овладения невестой мечом и огнем. Поход богатыря был продиктован защитой девицы от произвола деспота-отца, старших братьев или жестоких и грубых ненавистных женихов. В этом есть сходство таежных богатырей со средневековыми рыцарями.

С другой стороны, нетрудно увидеть, что сюжеты добывания невесты в «чужой земле» были связаны с запретами жениться на женщинах своего рода. Богатырь становится героем уже только потому, что борется за святость и незыблемость законов и традиций своего рода.

Но как же невесты сами относились к своим женихам в былинах дорусского эпоса? Было ли им безразлично, за кого они идут замуж? При всем целомудрии и святости традиций невесты в глубокой древности еще не утратили своего права, в выборе жениха. Об этом же мы читаем в карельском эпосе «Калевала». Самостоятельность выбора жениха невестой проявлялась как протест родителям, желавшим выдать дочь за выкуп:

Не хочу я быть рабою,
Мне не надо бус янтарных,
Парки темной соболиной.
Мне к лицу меха простые,
Не хочу я быть рабыней,
Быть собакой в дымном чуме.

В старинных преданиях, сказках и былинах невесты умели превращаться на некоторое время в различных птиц и зверей. С. Патканов в прошлом веке записал такую легенду: «Однажды ночью, когда семья покоилась в глубоком сне, невеста превратилась в филина и покинула свою юрту, взяв с собою образцы своего рукоделия. Она полетела в город, в котором (по слухам) жил ее нареченный богатырь.

Выбрав место на самой высокой лиственнице, растущей в самом центре города, она стала поджидать своего богатыря. Наконец, увидев его, она показала ему свое рукоделие и попросила освободить ее от предстоящего ненавистного брака... На другой день, собрав воинов, жених отправился спасать свою невесту.

Об образности языка другого сказания свидетельствует его начало. «Выбранный из 80 мужей с оленьими ногами, с опущенными косами, ты, косатый Мадур, до каких пор будешь вставать так рано, как встают одинокие вдовцы? Тебе пора жениться. «Но богатырь ответил: «Красавица-девица, которую я взял бы в жены, еще не родилась». Но филин ответил: «Про красавицу твоего выбора я слышал от людей, говорят, что она уже родилась. Она живет там, где текут богатырские воды Ендырской протоки с незамерзающими берегами, а та протока течет в Обь. Оттуда до впадения Иртыша, затем – в Конду и оттуда в Кондинский сор. На полуденном берегу священного сора, куда опустился божественный туман, на славной стороне стоит богатырский Карыпаспатвож. Власть в нем держит трехсотлетний богатырь-старик. В берестяной зыбке с красивой спинкой родилась твоя невеста». В былине описана красота невесты:

Кто не знал красотки Ючи?	И потом ночной порою
Как огонь костра в тумане,	Не давали спать спокойно
Привлекала она сердце	Красота и речь живая.
Раз взглянувшему на Ючу.	

В былине филин дает богатырю совет: «Если ты имеешь желание взять в жены красавицу Ючу, то снаряжайся на военную и сватовскую ногу и иди бери свою невесту». Богатырь отправился в дорогу. Весь свой долгий путь он слышал песни о красавице Юче и ее неприступности.

Много юношей прекрасных,	Не могу я, как другие,
Ловких, смелых, как шайтаны,	Быть рабой мужчин суровых.
Предлагали Юче руки,	Красота моя в работе,
Стать женою их навеки,	Как цветок, завянет быстро.
Но она смеялась только:	

В былине рассказывается: перед самым приходом богатыря обезумевший от старости старик-чудовище Лача прокрался к Юче ночью в чум. В борьбе красавица Юча убивает топором Лача. За это девушка Юча предстала перед судом народа:

Все сказали манси в гневе:
«Смерть мы требуем».
И судья-медведь с испугу,
В знак согласия с народом,

Был готов взмахнуть уж лапой,
Но из могилы Лач явился
И сказал народу Лача:
«В этом деле я виновен».

Лач садится на свою нарту, усаживает Ючу, плюет в морду медведю и, лишая его этим рассудка, увозит Ючу на глазах у жениха Мадур, успев крикнуть народу: «Юча будет мне женою». Так свершилось похищение красавицы Ючи злым духом. Мадур решает спасти свою невесту.

День и ночь в борьбе родятся.
Так положено от века
В день создания Вселенной.

Ночь и день всегда воюют.
Зло с добром, как волк с оленем,
На земле всегда враждуют.

Богатырь Мадур стал нагонять злого духа, укравшего Ючу. Старый уродец Лача, испугавшись расправы, превратил красавицу в старуху и бросил ее на дороге.

И когда вновь на коленях
Опустился перед Ючей,
Не невеста перед парнем –

Перед ним была старуха
Древних лет с сухою кожей,
С темной кожей землянистой.

Богатырь Мадур, убитый горем, закричал вдогонку Лаче:

Старый пес, лисица неба,
Я отказываюсь нынче
От награды быть бессмертным,

Быть послушным, как собака,
В этом царстве, старый лодырь,
Я желаю только смерти.

Таких трагедий в эпосе северных народов неисчерпаемое множество, а в этой былине даже бог неба Торум отказался помочь богатырю и посоветовал:

Нет пути тебе за Ючей.
Ты в своей не властен смерти,
Погреби скорее тело,
Положи его в колоду
И построй над Ючей холмик,

Из большого кедра сделай
Столб с узорною резьбою,
Чтобы люди понимали
Лебединые печали.

В древнейших былинах северных народов женщины были носителями высоких моральных качеств: трудолюбия, глубины и чистоты чувств. Невеста всегда должна была быть любящей дочерью, а потом покорной и доброй женщиной, нежной матерью и обладать высокой мерой мудрости.

Однако матриархат сменился патриархатом, и это было ниспровержением «материнского» идеала, всемирно-историческим поражением женского права. Муж захватил бразды правления в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний и простое орудие деторождения. В эпоху угасания былин и сказаний о богатырях образ женщины все больше терял свою поэтичность, одухотворенность. И если в сказаниях упоминалось о красоте, нежности, доброте и обаянии невест, то после того, как девица становилась женой богатыря, ее роль сводилась к обыденным домашним обязанностям. Вся дальнейшая жизнь проходила в заботах по дому, в тех обычных прозаических занятиях, которые не могли воодушевить благородную музу на создание былин и сказаний.

В XV веке в связи с образованием централизованного Русского государства продвижение русских за Урал приняло устойчивый характер. Однако попытки Московского государства установить более прочные связи с народами севера Сибири столкнулись с противодействием сибирских ханов. Татарские ханы начали насильственную колонизацию края. В мансийских преданиях об этих событиях рассказывалось:

Словно белки от пожара,
В страхе смертном убегали
Одинокие вогулы,

Злым пришельцам оставляя
Жен, детей и все, что было
Ими нажито годами.

Насильственная колонизация была кровавой и жестокой:

Встало солнце на увале,
Где стоял паул немалый,
Догорали головешки,
Пни чернели в кучах пепла,
Груды тел валялись всюду,
Кровь, как спелая брусника,

Заливала землю дедов.
А татары, взяв добычу –
Женщин, девушек и рухлядь
И добра другого много,
Отправлялись дальше грабить
По просторам мутной Аси (Оби).

На южную часть Югорской земли легла черная тень татарского ига. Первым татарским завоевателем Югры был ногайский хан – Онсом. Он основал Сибирское ханство на развалинах Кипчакского царства, распавшегося еще в XV веке. По преданиям, князь Онсом господствовал не только над татарами, но и над югорскими народами, ясак и военная помощь татарскому хану тяжелым бременем легли на трудовой люд Югры. По свидетельству летописи, сибирский хан «брал дань со многих языков».

Легенды тех лет рассказывают, что когда приближалась дружина татарского хана, которая шла за ясаком, жители Югры уходили в малодоступные места. В одной из таких легенд, собранных А. Домниным («Поход на Югру»), приведен разговор старейшин о том, как поступить северянам с посланцами хана. «Рысь не дерется с медведем. Дайте пришельцам то, что они просят, и они уйдут обратно», – сказал старый вогул. «Ты хочешь пустить волка в стадо оленей?» – возразили ему. А самый старый охотник ответил: «Нет. Пока мы будем жить, как медведи в берлоге, к нам будут ходить охотники с рогатинами. И он поведал легенду, которую когда-то слышал от дедов.

– Много веков тому назад угры были единым народом и кочевали в степях, как вольные кони. Они никогда никому не платили дань. Но пастбища скудеют, а люди мечтают о лучшем. Угры поклонились солнцу и пошли вслед за ним в страну, куда уходит оно ночевать. Они пробирались через леса и болота, а солнце все дальше и дальше уходило от них. За то, что они дерзнули догнать солнце, леса разделили народы на малые племена. Старик закончил свой рассказ словами: «Нам надо соединиться с пришельцами». Но угры не послушали и ушли от завоевателей вслед за Солнцем, за Каменный пояс. Ушли и сгинули.

Куда только не заносит судьба человека. Югорские племена в XVI веке жили по берегам Оби и ее притокам, от устья Иртыша вниз, до самого устья Оби, по ее левым и правым притокам – Ендырю, Казыму, Куновату, а также по Салыму, Югану, Ваху и Васюгану. Манси расселились по обоим склонам среднего Урала, их селения расположились по Сосьве, Лозьве, Конде, Тавде, Пелыму. Теперь уже ханты, манси и ненцы жили не родами, а племенными союзами, объединенными властью местной знати. Во главе их стояли малые и большие «князцы». В Ляпинском княжестве сидел «большой» князь Лугуй, в Кодеком—Молдан, а в Пелымском крае княжил Асыка. Вскоре вся южная Югра оказалась во власти татарского хана. В фольклоре отразилась борьба, которую вели ханты и манси с жестокими пришельцами:

Хан собрал свои дружины
И послал их в нашу землю
Умертвить шаманов наших
И охотников отважных,
Обесчестить наших женщин

И заставить всех рабами
Век служить ему покорно.
Взявши полные колчаны,
Манси бросились навстречу.

Но силы были неравными. Покорители шли несметным числом. Враг был коварен, а воины его суровы и беспощадны. Не одно поколение пало в неравной борьбе.

Барабаны скорбным стоном
Звали храбрых манси к бою.
В этот год костры над Обью
Не горели, осыпая
Искры с берега крутого,
Не гремели барабаны,
Песни манси не сливались
С шумом леса векового,
Только совы на деревьях
Громко щелкали гортанно
И кричали: «Горе! Горе!»
Утром рано из урмана
За туманом солнце встало,
Безмятежным светлым оком
Оглядело мир таежный
И лучом золотокрасным

Задержалось на увале,
Где всегда кедрач виднелся
С кудреватым дымом чумов.
Но на этот раз дымились,
Догорая, головешки.
Пни чернели вместо чумов.
Кровь, как спелая брусника,
В чаще кедровой краснела,
А у берега чернели
Остроносы карбасы.
В них полным-полно сложили
Победители добычи:
Вниз – домашний скарб, пушнину,
Сверху — девушек и женщин,
По две толстыми ремнями
Крепко связанных за косы.

В 1563 году власть в Сибирском ханстве перешла к Кучуму. Народы Сибири видели в нем грозного пришельца и грабителя. А.Н. Радищев по этому поводу писал, что «Кучуму-чужестранцу, oprичь пришедших с ним, повиновались из одной только боязни, как это бывает всегда в завоеванных странах».

Присоединение Сибири русскими началось не правительственными войсками, а выходцами из народа – донскими и волжскими казаками с Ермаком во главе, по выражению М.В. Ломоносова, «приватным способом». Именно они, простые люди, освободили хантов и манси от татарских поработителей. Последний татарский хан Кучум, по словам К. Маркса, «был разбит Ермаком и этим была заложена основа азиатской России».

Из поколения в поколение устное народное творчество, обогащаясь по форме и содержанию, впитывало в себя многовековую народную мудрость. «Дьявольски талантливые вещи создали вогулы, – писал А.М. Горький после ознакомления с поэмой «Янгаал-Маа», – о которых мне говорил еще Короленко и о которых до недавнего времени думали, что они живут в лесу и молятся колесу».

А сколько еще осталось у этих народов нечитанных трагических былин и сказаний! Они ждут своих исследователей, историков, поэтов и художников.

Устное народное творчество явилось колыбелью литературы в прошлом бесписьменных народов. По удачному выражению поэта Р. Гамзатова, литературу многих народов «качали руки родного фольклора». Эти слова полностью относятся к литературе народов ханты, манси и ненцев. Писатели и поэты югорской земли Ю. Шесталов, Е. Айпин, А. Тарханов, М. Шутьгин постоянно обращались к легендам и сказаниям своего народа, чтобы показать пути через духовные ценности прошлого к возрождению. И прав Ю. Шесталов, когда, одухотворенный мудростью предков, пишет:

Привет тебе, древнее слово!
Посланец забытых веков,
Ты, словно богатая лодка,

До наших дошло берегов
Дедов легенда – торжественный звон,
Сказку рождает для новых времен.

КАЗЫМСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Данная работа представляется читателям с чернового варианта и автором не редактирована.
Закончена 15.01.2001г., а 18.01.2001г.
Тимофеев Г.Н. ушел из жизни.

Пролог

О трагических событиях в Приказымыи начала 1930-х годов автору стало известно более шестидесяти лет тому назад в 1940 году от Дедюкина Льва Николаевича, ветерана лесной промышленности, организатора Няганьского лесоучастка.

Его родной дядя Апполон Дмитриевич Дедюкин, посланец Свердловского обкома партии с 1927 года работал секретарем Березовского райкома партии, а в 1930 году был назначен начальником строительства Казымской и Сосвинской культбаз. В 1934 году при загадочных обстоятельствах А.Д. Дедюкин погиб в Казымской тайге. Причину его гибели установить не удалось.

Позднее о Казымской трагедии автору подробно рассказывали А.В. Голошубин, работавший в 1933 году в школе Казымской культбазы, и учитель Сартыньинской школы А.Н. Лоскутов, который долгие годы затем работал директором Ханты-Мансийского окружного музея.

Также рассказывали об этой трагедии автору очерка секретари Березовского райкома КПСС А.К. Мальчиков и А.А. Голованов, ученый-сибировед М.Е. Бударин, который на основе архивных документов Омского УНКВД описал эти события в своих монографиях «Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму» и «Чекисты».

О Казымском вооруженном восстании 1933-34 годов в общих чертах упоминается в «Очерках истории партийных организаций Тюменской области, а также в документах «Судьбы народов Обь-Иртышского Севера», «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века».

Скудность материалов о Казымском восстании, вероятно, объясняется тем, что до недавнего времени документы об этом событии находились в архивах под грифом «секретно».

В конце марта 1996 года окружной Комитет по радиовещанию и телевидению, желая каким-то образом воссоздать историю Казымского восстания, сделал вполне своевременную попытку собрать в своей студии людей, знающих что-либо об этой кровавой трагедии, которая когда-то развернулась в далеких лесах Приказымыя. О них в радиопередачах рассказывали жители Ханты-Мансийска Пухленкина, Петухина, Василенко и Аксарина, имевшие к этим событиям прямое или косвенное отношение.

В Ханты-Мансийском окружном архиве храниться уникальный документ о самом ходе вооруженного восстания в Казыме – воспоминания Лидии Николаевны Астраханцевой, жены Петра Васильевича Астраханцева, погибшего при «усмирении» этого восстания в декабре 1933года.

Автор данного очерка, используя различные источники, предпринял попытку восстановить историю Казымского вооруженного восстания, приведя некоторые эпизоды тех давних событий, описанные писателем Е.Д. Айпиным в рассказе «Русский лекарь», которые им были записаны со слов бывшего оленевода Иосифа Александровича Сердакова, жившего в те времена на среднем течении реки Аган.

Река Казым – «священная Мекка» Нижнего Приобья

На Казыме яр крутой,
Он легендами овеян.
Прадеды сюда с собой
Приносили дар деревьям...
Это место было свято
Слышал я от стариков...

В.С. Волдин.

Приказимье – это сплошной возвышенный материк, поросший хвойными лесами. Казымская дача разрезана сетью типичных равнинных рек Амней, Помутом, Лыхней, Сорумом, верховьями рек Казыма и Моима. Главная из них – река Казым. Она протекает по этой лесной даче на протяжении 659 км.

В начале XX века в Казымской волости проживало 3000 человек на площади 20 тыс. кв. км. В основном это были ханты и коми.

Урманы Казыма до самого Священного озера Нум-то от отрогов Северных Увалов были населены кочующими лесными ненцами.

Нум-то – это огромное озеро овальной формы, вытянутое с юга на север на расстоянии более 20 и шириной более 15 верст. Площадь озера более 250 кв. верст. Это царство удивительно прозрачной воды, до середины XX века не омывшей ни одной ступни человека. Озеро окаймлено с южной стороны низкорослым кедром, северной частью уходит в болота ямальской лесотундры, поросшей невысокой корявой болотной сосной.

Здесь летом жили кочующие лесные ненцы. Число их было невелико не более 30 чумов.

В центре озера Нум-то расположен поросший соснами остров Сумут-Пай. Это было главное святилище всего Казыма. Здесь совершали большие шаманские камлания, идолопоклонство и жертвоприношения.

Озеро Нум-то было богато щукой, сырком, окунем, плотвой. Местное население в нем рыбу не ловило. Озеро считалось священным местом. В него впадало шесть речек, вытекала только одна – река Надым.

Недалеко от озера Нум-то, к северу от него находится водораздел четырех больших рек, текущих на север и на юг - Сибирские Увалы ханты их еще называют Межземельной Грядой. Река Казым течет от своего истока на запад.

Там, где берет свое начало река Казым, раскинулись необозримые пространства лесотундры с невысокими сопками. Они окружены топкими зыбунами, со дна которых бьют подземные ключи. В этих болотах берут свое начало реки Пим, Тром и Казым. Здесь находится величайший источник чистой питьевой воды.

Само озеро Нум-то с островом Сумут-Пай, реками Казым, Мозямы со святилищем Чохрым-Ойка овеяны седыми легендами. Здесь на Казыме - центр главного угорского божества Казымской Богини. Легенды о ней до сих пор живут в песнях казымцев. До недавнего времени эти песни исполнялись жителями Казыма С.А. Вагатовым, Д.Н. Тарлиным, А.М. Молдановым, К.С. Молдановым, П.И. Сенгеповым.

Легенды о Казымской Богине, о Золотой Бабе Конды, об Аганской Богине, как образы Матери-Земли, вылились в символ «Золотой Бабы с бубном» в монументе, открытом в столице округа в честь 70-летия его образования. Монумент олицетворяет Дух Добра, Дух Охранителя, Дух Матери-Женщины.

В песнях казымских хантов Богиня Вут-Ими, как и богиня восточных хантов Пугос – это «подательница детей», это «Мать Огня» «она оживила людей своим дыханием», «она принесла с неба пищу людям» и все то, что есть на Земле - все это ее творение, она «священна и не прикосновенна».

Верю в порыв твой, Богиня,
В милый таежный уют.

Рыжие сосны Ай-Пима
Нам за окошком поют.

А.С.Тарханов.

Суть легенды о Казымской Богине (Вут-Ими) состоит в ее грехопадении и покаянии, о ее внутренней борьбе Доброго и Злого начала.

В песнях и легендах о ней рассказывается, что она была дочерью верховного Бога Торума, жила раньше в низовьях реки Оби, на берегу Полярного моря. У нее был весьма своенравный характер.

В своих песнях об этом шаманы рассказывали, что однажды в порыве гнева она уничтожила все живое на земле, но потом одумалась и поняла, что совершила большое зло и большой грех. Она взлетела селезнем к отцу, покаялась в грехе и попросила совета. Отец Торум ей ответил: «Раз ты такая сильная, иди в Нум-то живи

там сделай так, чтобы было все хорошо». Она опустилась на Землю. В устье реки Казыма «сажает своих слуг, которые пасли ее оленей, строит через реку священный каменный запор, чтобы берестяные лодки духа болезней не могли прийти на реку Казым. Затем Богиня едет дальше и «садится» на озере Нум-то, расставляя на всем Приказымыи духов, добрых, сильных, духов-охранителей.

Богиня Вут-Ими стала главным Духом Казыма. Ханты стали ее сравнивать с «утренней зарей», называть «золотой» и «священной», которая «посылает на Землю детей с помощью солнечных лучей». Это оно дала людям «рай на краю земли».

Казымская Богиня была духом воплощения охраны мира, добра и порядка. Человек стал ее творением и носил на земле ее общеугорский статус, был ее живым духом.

Богиня сама регулировала все нравственные нормы и отношения человека с окружающим миром. Установив множество запретов на земле, она запретила творить зло, оберегала людей от злых духов, поставив слово «запрет» к слову «святое». Поэтому большая часть названий, обозначающих определенное место, озеро, речку прямо или косвенно включали в себя слово «священный». Охранять такие места она поручила своим избранникам – шаманам.

Охрана окружающей среды освещалась запретами, а тяжесть греха содеянное зло карались возмездием духа Казымской Богини. Эти запреты составляли неписанный кодекс народной мудрости, нравственности. «Он служил, пишет хант-ученый М.А. Лапина, – нашим предкам идеалом жизни и труда».

Запретов было множество. Они охватывали собой всю сумму поведенческих установок в жизни хантов. Они были тесно связаны с обычаями, обрядами, со священным «табу» (лап ерты).

Казымская Мать-Богиня была ужасно строга к своим людям, что приучила весь свой народ не осквернять природу, называть все живое и все явления в ней «потаенным словом». «Мы, пишет Тимофей и Татьяна Молдановы, не имели права произносить слова: змея, ящерица, а должны были говорить про змею, что это «бабушкина коса», а про ящерицу – это «завязка от сахи». (Саха – вид женской одежды в виде халата.) Нам постоянно внедрялись такие эпитеты, как «святой камень», «святое» озеро», «святая речка», «священный огонь» и т. д. С детских лет с именем Казымской Богини в сознание внедрялись две главные жизненные установки – запрет на плохое отношение к природе и на соблазн жить за счет чужого труда.

Подобные запреты не были религиозными, они носили основу всего неписанного морального кодекса всех народов Югры. Вся эта сумма запретов была внутренней стороной жизни этих людей, которую мы называем внутренней культурой.

Казымская тайга с ее обилием священных мест и святилищ, со священными запретами, возведенными в степень неписанных законов человеческой нравственности, была духовным оазисом, угорской священной Меккой, местом угорского Эдема, символом добра и справедливости, символом земного рая народов Обского Севера.

II

Казым – обитель древняя, мирская

Обитель, древняя когда-то,
Была как пристань для людей,
Устав хранила она свято,
Гнушаясь пагубных идей.

Ровно сто лет тому назад тобольский ученый – исследователь Обского Севера А.А. Дунин-Горкавич писал: «Казымцы-народ физически крепкий, трудолюбивый и трезвый... они замечательно подходят по типу к русским... Табаку они не курят, но лишь нюхают и редкие из них кладут табак за губу».

Автору довелось два года прожить на Казыме в самой гуще туземного населения и убедиться в правоте Дунина-Горкавича в том, что это красивый народ, объединяет в себе черты индейских племен и индоевропейских народов. Казымцы честны и правдивы, целомудренны, высоконравственны, они имеют чувство собственного достоинства, преданы своим религиозным и национально-бытовым традициям. Казымцы извечные рыбаки, охотники и оленеводы. Одним из главных занятий казымских хантов была охота. Меха ценных зверьков шли на обмен нужных товаров.

Хант П.С. Бахлыков писал: «Охотничий промысел двигал человека к действию, приносил ему заботу, радость и печаль. Охота – это тяжелый таежный труд. И живущие тут люди не знали другой жизни, они покорно несли все тяготы и лишения своей судьбы, не мечтая о лучшей доле, и тем были счастливы».

У местного населения существовало отчетливое представление о передаваемых по наследству «своих» охотничьих и рыболовных угодий.

Журнал «Советский Север» в одной из редакционных статей отмечал: «В силу традиций от отца к сыну переходят данные участки в промышленение.» Можно встретить такие заявления туземцев: «...здесь мой отец ходил, и кости деда здесь лежат, век здесь наша дорога и никуда отсюда мы не уйдем».

В большинстве же случаев охотничьими, другими угодьями туземное население пользовалось сообща. Общность средств производства распространялась и на некоторые орудия промыслов. Так, например, запоры на речках и на соровых устьях устраивались сообща всеми членами соседской общины. Добываемая рыба делилась пропорционально числу участников лова.

Как в рыболовстве, так и в оленеводстве у жителей Прикамыя преобладал коллективный труд. Все вопросы, связанные с общим промыслом, решались коллегиально на «миру» (сходке).

Одинокие, престарелые, сироты и инвалиды были на полном обеспечении общины. Забота о них была святой обязанностью общины. Общность угодий, совместный труд веками крепились в традициях этих народов.

В конце XIX столетия после тщательного изучения обычного права в разных регионах Обского Севера «законы» коренных жителей были сведены в «Юридические обычаи остяков Березовского уезда», «Юридические обычаи остяков Сургутского уезда» и «Юридические обычаи самоедов Березовского округа».

Правовые обычаи аборигенов Обского Севера, сведенные в правовые нормы соотносились с разностью трех диалектов обских угров. По этим «Юридическим обычаям...», точнее по этим подлинно правовым законам, основанных на обычаях жили ханты и манси вплоть до Октября 1917 года.

В соответствии с этими законами все промысловые, пастбищные угодья находились в собственности отдельных родов, общин. Родовые угодья с наследственным и благоприобретенным имуществом «...проданы быть не могут, а благоприобретенным имуществом остяк владеет бесконтрольно». Угодья не были частной собственностью отдельных семей, они находились лишь в их наследственном пользовании. Сам хозяин не имел права продавать или закладывать в залог свои угодья. Но он имел право на определенное время сдавать свои угодья в аренду. Однако в практике это встречалось крайне редко.

Политика русского правительства сводилась к консервации подобного обычного права и образа жизни северян, их быта, хозяйственных занятий, социальной организации. Право вершить суд и расправу правительство признало за местными князьями и старшинами.

Основы этой политики были закреплены в «Уставе об управлении инородцами в Сибири» (1822 г). В вопросах религии «Устав...» провозглашал свободу вероисповедания и принципы добровольного принятия христианства. Крещенные казымцы все свои церковные требы отправляли в Полноватской церкви либо в Матлымском приходе. По вопросам образования «Устав...» провозглашал создание «инородческих» школ. Однако образование и школа были мало востребованы традиционным укладом жизни казымских хантов, они «... народ трудолюбивый и трезвый, мало восприимчивый к русской культуре». Равнодушны и к догматам

православия, свято хранили заветы духа Казымской Богини, свои обычаи, свой быт, свое философско-религиозное миропонимание, «гнушаясь пагубных идей».

Ханты и манси, живя в рамках соседской общины, были прочно связаны с ней материально, в то же время каждый из них был носителем ее духовности и мировоззрения.

Прав был К.Маркс в том, что подобная община была ячейкой первобытного коммунизма, а «казымские остяки еще в большей степени, – писал Заместитель председателя комитета Севера при ВЦИК СССР А.Е. Скачко в 1934 году, – сохранили родовую первобытно-коммунистическую организацию».

Здесь в лесах Приказымыя, в своеобразной среде социальной справедливости люди хранили свои традиции, берегли их в священной неприкосновенности, а их земля была для них земным «раем», местом вечного земного блаженства.

III

Приход Советской власти в Приказымые

Косяк осенний журавлиный

Летит, рыдая, высоко

Мы, люди, с древности повинны

В разоре Храма своего.

А.С. Тарханов.

В историографии Обского Севера советского периода существовала единая точка зрения о том, что «триумфальное шествие Советской власти распространилось и на районы расселения народностей Севера, которые встретили ее с горячим чувством».

Надо признать, что неграмотный человек стоит вне политики, а советская власть, провозглашенная на Обском Севере только в январе 1918 года на Съезде Советов (в частности на нем присутствовал политический ссыльный в с. Демьяновске С.Г. Чудновский, в последствии активный участник расследования вооруженных событий в Казыме в 1933-1934 г.г.), была ликвидирована в ходе контрреволюционного мятежа 1918 года.

К осени 1918 года на всем Обском Севере Советы были распущены. Здесь была установлена власть Колчака и белогвардейцев вплоть до лета 1921 года.

Таким образом, ханты и манси, будучи неграмотными и ошеломленными столь стремительной сменой власти, были не только не способны судить о новой власти, они даже не успели ознакомиться с первыми декретами Советов, в частности с тем, в котором еще в ноябре 1917 года было провозглашено «свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп, населяющих территорию России».

По этому поводу в «Истории Ханты-Мансийского автономного округа отмечено: «Советских органов власти северяне не видели, поскольку ревкомы в начале существовали только в уездных городах и в других немногих населенных пунктах. Повсеместно продолжали функционировать родовые (ватажные, юртовые) управления и родовые управы».

В некоторых ревкомах, в частности в Кондинском (ныне Октябрьский район) их руководители в условиях военного положения не смогли установить контроль над обстановкой. Часть членов ревкомов при поддержке уголовных элементов занялись грабежом, мародерством и двурушничеством.

Провозглашение Советской власти (масло, холст)

Жители села Кондинского (Октябрьское) И. Ярков, А. Быков, А. Оренхов, Н. Добрынин написали об этом письмо в Центральную контрольную комиссию, по которому было проведено служебное расследование, и виновные были наказаны.

Гражданская война отразилась «...в общем и целом страшным потрясением туземного хозяйства. Относительная устойчивость экономики, как всего Обского Севера, так и Прикаzymья была нарушена.

Рыболовно-охотничье население было в тяжелом положении. Один из делегатов Первого съезда Советов Сургутского уезда (1920г.) от Васюганской волости высказал общую беду всех охотников. На съезде он говорил: «Нет пороха, дробы, свинца и пистонов, а без этого инородцу жить нельзя».

Юганские ханты просили делегатов съезда принять срочные меры по снабжению их мукой, охотничьими припасами, мануфактурой, холстами или выдать им мешки из бывших хлебозапасных магазинов для пошива одежды.

Угроза вымирания туземных народностей была не пустым звуком и не громким словом, «а самая неподдельная неприкрашенная действительность ужасного, бедственного положения туземцев».

Президиум ВЦИК вынужден был признать, что « в наследство от лет разрухи нам досталось голодное, раздетое, обнищавшее население, раскиданное в просторах бездорожной тайги и тундры, население, лишенное возможности вступить за свое право на человеческое существование.

В силу этих обстоятельств первоочередной задачей новой власти явилось оказание продовольственной помощи и организация снабжения хлебом, охотничьими и рыболовными припасами туземного населения. В начале 1920-х годов, несмотря на тяжелое положение страны в целом, в районы Обского Севера было направлено большое количество продовольствия, предметов первой необходимости, промысловых орудий, охотничьих припасов и ружей. Только в 1922 году население Тобольского Севера получило 400 тысяч пудов хлеба.

Во многих местах обитания малых народностей Севера появились первые государственные и кооперативные заведения. В снабжении населения принимал участие Обьрыбтрест. Частная торговля была разрешена только там, где не было советской торговли.

Для перестройки отсталой экономики в национальных районах Обского Севера нужны были срочные, особые пути, приемы, средства. Главнейшим «посредствующим путем во всей системе мер должна была стать кооперация производителей».

С 1922 года в Березово была восстановлена ярмарка. На ней сбывались товары, которые оставались у товаропроизводителей после уплаты налогов, введенных в годы НЭПа.

Для более эффективных мер экономических преобразований в национальных районах Севера необходимо было создать такие формы политической власти, которые смогли бы дать возможность самим инородцам обеспечить переход к новому общественному строю. Лучшей формой такой власти были признаны туземные Советы.

Начало планомерного создания органов самоуправления относится к 1923 году. Но уже через год после их создания стало видно, что в родовые Советы были избраны, по мнению высших властей, представители «эксплуататорской верхушки», которая, якобы, мешала экономическим и политическим преобразованиям. В 1924 году родовые Советы были распущены.

Противоречивость исторического момента состояла в том, что, с одной стороны, было желание властей строить социализм руками самих жителей национальных окраин, а, с другой стороны, предлагалось им решать эти вопросы с классовых позиций при полной изоляции самых уважаемых представителей родовых общин.

В 1924 году был ликвидирован Народный Комиссариат по делам национальностей. Вместо него при ВЦИК был создан Комитет Севера с возложением на него задач по ликвидации политической, хозяйственной и культурной отсталости национальных меньшинств. При органах Советской власти были созданы местные Комитеты Севера. Они успешно решали свои задачи вплоть до 1935 года.

Огромнейшая работа Комитетами была проделана в области подъема народного образования, здравоохранения, ликвидации безграмотности и малограмотности. Вместе с Советами Комитеты Севера сыграли важнейшую роль в восстановлении промыслового хозяйства, в объединении всех торгово-заготовительных организаций в руках Северосоюза и Госторга, а также в делах кооперирования охотничьих, рыболовецких промыслов и оленеводства.

Материальное положение национального населения стало заметно улучшаться. Были созданы условия для постепенного перехода к преобразованию традиционных производственных отношений и к строительству общества социальной справедливости.

Несмотря на некоторые успехи по ликвидации последствий гражданской войны и иностранной интервенции, некоторое улучшение материального положения коренного населения Обского Севера в период осуществления мер НЭПа и вплоть до 1929 года отношения хантов и манси к новой власти носили противоречивый характер.

«Местное население, – пишет ученый из Нижневартовска Л. Алексеева, – не принимало советскую власть ханты, манси, ненцы уходили в тайгу и тундру, где труднее было до них добраться новой власти».

Такое неприятие особенно остро проявилось у коренных жителей Казыма, которое было более благополучно, более зажиточно, культурнее, чем их соседи.

Недовольство коренного населения усиливалось ошибками местных властей, непродуманными мерами, которые иногда принимались без учета национальных интересов, резко ломавших обычаи, традиции, обряды.

В сентябре 1925 года в казымскую деревушку Кислор пришел с Большого Югана молодой охотник Леня Коганчин, Он рассказал, что ушел из дома в лес как только узнал о том, что по юртам реки Югана молодых хантов забирают в армию. По законодательству тех лет коренных жителей Севера в армию не призывали.

18-го августа 1925 года распоряжением № 204 Сургутского райисполкома по Юганскому сельсовету был объявлен призыв на срочную военную службу всех граждан 1902 и 1903 годов рождения. Юганский сельсовет начал сбор молодых хантов для отправки их в Сургут. Среди юганских хантов начался переполох.

4-го сентября из Сургутского райисполкома поступило сообщение, что остяки от призыва освобождаются. Молодые ханты, оказавшиеся в бегах, не могли знать об этом, не знал об этом и Леонид Коганчин. «Наверное, опять будет война? – строил догадки старый охотник хант Енизоров, услышав рассказ молодого юганца. Обещали нам не брать в армию, а сами берут. Разве можно верить Советской власти: говорит одно, а делает другое, она живет обманом».

По Казымской тайге из дома в дом, из селения в селение поползли тревожные слухи о военном призыве и о войне. Юганские ханты решили вступить за призывников. В село Юган въехало около 50 вооруженных охотников. Облетевшая весть взбудоражила всех туземцев. Многие стали готовиться к въезду в Юганск. Однако сообщение об освобождении от призыва в армию настолько обрадовало хантов, что они совершили недалеко от Югана обильное жертвоприношение, а те, кто были крещеными, отнесли свои богатые приклады к иконам и алтарю, осветив церковную обитель обилием купленных у старосты свечей.

Советская власть в конце 1920-х годов сумела провести ряд перемен в жизни национальных районов Обского Севера. Коренные жители, как и во всей России, пережили продразверстку, «военный коммунизм» и годы НЭПа. После отмены «военного коммунизма» и продразверстки ханты и манси, получив возможность самостоятельно хозяйствовать, хотели одного: спокойно охотиться, добывать рыбу и пасти оленей. Однако частнокапиталистические отношения были вскоре запрещены, что не могло не сказаться и на жизни коренных народов Обского Севера. Их материальное положение вновь стало ухудшаться.

В соседнем с Казымом Сургутском районе по оценке лесничего С.А. Куклина жизненный уровень туземцев был исключительно низким.

Однако местное население, как и все аборигены Обского Севера, не обладая особыми политическими пристрастиями, открыто против Советской власти в эти годы не выступало, некоторое время они, как и все, мирились со своим тяжелым материальным положением. В сводках ОГПУ этих лет отмечалось, что «взгляд остяков на Советскую власть – безразличный. По их мнению, всякая власть хороша, если ей можно сбывать пушнину по высокой цене. Вопросами политики они не интересуются».

Вскоре инородцы, ощутив на себе ущемление своих прав и национальных интересов, а также тяжелый пресс новой власти, начали вступать с ней в конфликт.

Уже в конце 1920-х годов в Тобольском округе было не спокойно. Сводки ОГПУ и милиции начали сообщать, что в отдельных селах и деревнях народ бунтует, ожидает войну и 1921 год.

До зимы 1925/26 года на Обском Севере действовала Временное положение по управлению коренными народами. В октябре 1926 года Совнарком вновь был вынужден вернуться к проблемам населения приполярных окраин и принять новое положение о создании органов туземного управления для «защиты прав и интересов северных окраин»

Согласно новым положениям местное самоуправление включало в себя: районный съезд, районный туземный Совет, туземные исполнительные комитеты, а на местах – родовые собрания и родовые Советы. Начало их работы относится к выборной компании 1925/26 года.

Туземные Советы наделялись широкими полномочиями, они были обязаны заботиться о снабжении населения продовольствием, орудиями промыслов, содействовать кооперированию, контролировать соблюдение правил охоты и рыболовства, поддерживать общий порядок, заниматься делами здравоохранения и просвещения.

По сравнению с компетенцией родовых управлений и народных управ, действовавших ранее, полномочия туземных Советов были значительно расширены. Они охватывали практически все стороны жизни национальных меньшинств.

К середине 1928 года на Тобольском Севере действовало 11 туземных райисполкомов и 49 юртовых, ватажных Советов, (37) в которых работало 91 хант, 56 ненцев, 40 манси.

Однако вскоре выявилась ограниченность как территориального, так и классового признаков туземных Советов. Границы родовых Советов не соответствовали исторически сложившимся связям населения, порой члены Советов принадлежали другому роду, не жили большинство населения, зачастую членами Советов избирались представители зажиточной части населения, порой в Советы избирались шаманы и тем самым затрудняли высвобождение рыбаков и охотников из-под влияния богатой прослойки туземного населения.

Туземные Советы не только «не разрушали, а сохраняли традиционную структуру обско-угорского населения чего коммунисты, ожидавшие революционных перемен, допустить не могли.

Кроме того, у некоторой части оседлого населения к этому времени уже заметно были утрачены их родовые основы. Люди, принадлежавшие по происхождению к одному из родов, жили в селениях, отстоящих друг от друга на сотни километров, и, наоборот, в одном селении жили люди, принадлежавшие к разным родовым ветвям.

«Как выбрать трех членов Совета в поселке Хуллор, в котором живут люди пяти родовых семей?»- недоумевал член Березовского тузрика И.З. Немдазин, выражая общее положение в регионе Казыма.

Организация туземных Советов имела и еще одну особенность. Остатки родовой демократии, отношения сотрудничества и взаимопомощи, которые в середине 1920-х годов составляли еще значительную часть общественных отношений, облегчала восприятие новых общественных норм советского строя.

В частности, населению Казыма была близка и понятна идея равенства людей, сменяемость и выборность старшин, близка была им и форма управления через собрания, противоречия же между богатыми и бедными стояли на втором плане в силу слабого социального расслоения населения Казыма, классовая сущность новых Советов им была не понятна.

П.Г. Смидович, хорошо зная общественный быт северян, писал: «Несложность социального строя, простота общественного уклада, таящего в себе до сих пор элементы первобытного коммунизма, создавали благоприятную почву для советской работы. Но вековые традиции, державшие туземцев в подчинении родовым князям, явились серьезным тормозом для понимания туземцами сущности Советской власти».

Именно по этому при создании туземных Советов в них были избраны старшины, богатые оленеводы, то есть влиятельные лица, которые пользовались большим уважением среди местного населения. Их авторитет был «освящен» традициями, так же как и уважение старших по возрасту.

Молодые депутаты Советов ни в коем разе не могли выступать против старших. Обычай не допускал женщин к обсуждению проблем рода. Уже на первых собраниях при новой власти старики, глядя на женщин, приглашенных на собрание, по обычаю еще закрывавшие лицо платком от чужих мужчин, спрашивали: «Зачем баб звали».

Приверженность к патриархальным обычаям составила одну из самых сложных страниц во всех преобразованиях на Обском Севере. Верность и почитание старейшин, бывших князьков и шаманов обеспечили последним большинство мест в туземных Советах в начале 1930-х годов.

В соседнем Ямале, Надыме, Пиме, Назыме и Вахе в силу национальных традиций сложилась такая же обстановка, Советы оказались « под влиянием зажиточной части населения» и не могли выражать интересы бедноты.

Часть казымских хантов, в частности родовая знать, пользуясь слабостью национальных Советов, со своими стойбищами откочевали к северному побережью озера Нум-то, туда же бежала и ямальская родовая знать, расселившись по берегам Священного озера.

В начале 1930-х годов положение в национальных районах Обского Севера оставалось тяжелым. Ощущались большие перебои в снабжении населения товарами.

Политическая обстановка осложнялась тем, что в эти годы в таежные районы и в тундру начали ссылать из Центральной России тысячи кулаков и спецпереселенцев.

IV

Первые конфликты с Советской властью

Все, насильственное навязанное народу, рано или поздно отомрет».

(Е.Д. Айпин. Обреченные на гибель. М., 1994, с.59).

Несмотря на некоторые положительные достижения в годы НЭПа, экономическое развитие России шло крайне медленно. Жизнь требовала принятия срочных мер по подъему всего народного хозяйства, как в центре, так и на местах, особенно в Северных национальных окраинах.

Хозяйство народностей Севера по-прежнему базировалось на частной собственности на средства производства, кроме земли, которая была национализирована. И это тревожило создателей нового общественно-политического строя.

В 1927 году ЦК ВКП (б) была поставлена задача, объединить все мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства в крупные коллективные хозяйства. В стране началась коллективизация.

В 1930 году было принято Постановление о ликвидации кулацких хозяйств. Коллективизация и раскулачивание явились причинами резкого недовольства крестьян. В условиях Обского Севера это усугублялось еще и целым рядом национальных противоречий.

С переходом на торговые взаимоотношения в 1928 году, исключительно при условии денежного обращения и в связи с повышением закупочных цен на пушнину были резко снижены цены на рыбу.

Казымские ханты перешли на пушной промысел, даже, несмотря на то, что с 1926 года охота на соболя была запрещена. Доходы охотничьего промысла значительно выросли, когда как доходы от рыболовства сократились. Пришлось принимать меры по повышению цен на продукцию рыбных промыслов. Потребовались меры по восстановлению истощенных пушных ресурсов.

Внесение извне директивного вмешательства в традиционное хозяйство хантов и манси, резкая ломка быта, которая сопровождалась ожесточенной борьбой с религиозными верованиями северян, вызывали недовольство местного населения.

С другой стороны, из года в год повышались цены на привозные товары. Без особых на то причин на всем Обском Севере резко возросли цены на соль. Этим особенно были недовольны жители, чьи рыбные промыслы были в верховьях притоков Оби и внутренних водоемов.

При нехватке ружей, боеприпасов и повышение цен на них, запрещение отлова пушного зверя традиционными орудиями промысла слопцами, плашками, чирканами, при строгом регламентировании сроков охоты, которые устанавливали власти – все это вызывало недовольство коренных жителей Прикаzymья.

Ханты Мозяйских юрт в письме секретарю Березовского райкома партии А.Д. Дедюхину писали, что приемщики пушнины их бесконечно обманывают, а шкуры лосей, убитых ружьем или стрелой не принимают либо «... за дырку цены сбавляют».

«Казымский народ почти весь в долгу у госторга. Если мы в этом году долги не отдадим, у нас заберут оленей или юрту». В конце письма мозямские ханты писали: «Мы не против Советской власти, но не любим власть Полноватскую, которая не разрешает нам иметь попа. С малых лет мы промышляем в лесах, в которых очень много дьяволов. Уснешь, усталый, и никто не караулит – креста нет...».

Когда власти передали в Полновате церковь под культурное учреждение, все население Казыма выразило свой гневный протест этому.

Экономическое, политическое, идеологическое противоречия и сама практика резкого вторжения в традиционный уклад жизни народов Севера вызвало у них недовольство Советской властью. Охотники, рыбаки, оленеводы, которые в годы НЭПа настроились на частнокапиталистический лад, оказались в западне. Ворота рынка, которым они жили, оказались закрытыми.

Хозяйственная политика конца 1920-х годов перешла к жесткому форсированию норм сдачи оленей, рыбы, пушнины. Были установлены твердые задания по грузоперевозкам силами местных жителей для нужд новых советских учреждений. Началась «красная атака» на «кулацкое сословие» и «разоблачение шаманов».

Кулаки и шаманы были лишены избирательных прав. Был введен всеобуч для детей, при жестком принуждении отдавать их в школы и интернаты.

В 1930 году по настоянию Казымского кооператива «Интеграл» начался облов «Священного озера». Но святые места во всем Прикаzymьи были под охраной и защитой шаманов. «С незапамятных времен, – писал этнограф С.К. Патканов, хранители главных священных мест берут свое происхождение от прежних шаманов или князей и даже наследуются родственниками». Под страхом наказания от высшего божества Казымской Богини вход в священные места был запрещен не только для промыслов, но и других каких бы то ни было надобностей. Границы таких участков оберегались не только шаманами, но и всем населением округа.

При входе в такие места, как и у озера Нум-то, было отведено определенное место, где происходили камлания шаманов и жертвоприношения, там стоял лабаз, в который люди, приходившие сюда складывали шкуры зверей, золотые, серебряные монеты, цепочки, кольца, подвески, а близь стоящие деревья украшались разноцветными лентами или кусочками цветной материи. Здесь была святая земля, это был заповедный край Казымской Богини.

Хранителями Священного озера Нум-то был род Сенгеповых, Молдановых, Вагатовых. На Большой Сосьве весь бассейн реки Ялбынья охранялся шаманами рода Сайнаховых, по реке Манья и Северной Сосьве – шаманами рода Дунаевых, Тромаган охраняли шаманы рода Прасиных. Промысловая деятельность в этих местах посторонними людьми вызывала у коренного населения крайнее недовольство.

В 1926 году для выяснения причин конфликта коренного населения с Советской властью в Казым от Тобольского Комитета Севера была направлена экспедиция во главе с В.М. Новицким.

Одной из причин недовольства коренного населения Новицкий видел в том, что туземцы, освобожденные от налогов, должны были платить арендную плату за рыбоугодья, которые недавно принадлежали им, и они сами имели право сдавать их в аренду. В этом туземцы усматривали то, что они вообще могут потерять право собственности на родовые угодья.

«Почему мы должны арендовать угодья, которые были нашими и мы могли их сами сдавать в аренду?» – спрашивали ханты. Ни от кого они ответа получить не могли. Ни кто не мог им разъяснить, почему и за что они должны платить новому государству. В прошлом был один налог – ясак. Он собирался один раз в год. Остальными достатками распоряжался их владелец.

Недовольство туземного населения вызывала и система кредитования. Ханты получали припасы и продовольствие в кредит через учреждения государственной кооперации. Новое кредитование было крайне невыгодно коренному населению, и оно быстро оказалось в должниках у кооперации.

«У некоторых должников», – отмечал В.М.Новицкий, «... описывать за долги было нечего, а отсутствие снастей в кооперативах и задержки в кредитовании ставило коренное население в безвыходное положение».

Казымские ханты жаловались В.М.Новицкому: «Раньше один раз зимой налог (ясак) платили, и нас больше никто не трогал». «Мы, – жаловался Кислорский рыбак Енизоров Василий Александрович, – за 4 месяца почти всей деревней оказались в должниках у кооперации. А теперь и «кредитку» хотят закрыть, а за долги наши пожитки забрать».

«У нас забирать нечего,- поддерживали его казымцы, «кредитку» редко дают, а у нас снастей совсем не стало, как жить будем?»

«Мы не хотим, – говорил Енизоров Новицкому, – чтобы нас грабили и беспокоили. Мы хотим, чтобы нас освободили от ваших забот, а ханты сами выживут».

Коренные жители Казыма были недовольны и тем, что «административными мерами власти заставляли единоличников вступать в простейшие производственные объединения», в которых угадывались меры сплошной коллективизации.

Казымские ханты в основном были малоимущими, социально более или менее однородными, им была непонятна «классовая идеология», и она расценивалась ими как враждебная сила всему национальному населению.

Конфликты, неизбежные, объективные, усугублялись субъективными, непродуманными мерами со стороны местных властей, отдельных ее представителей. Все это вызывало недовольство, озлобление и внутренний протест против Советской власти в целом.

V

Причины восстания

«Все определяет дело, реальная жизнь, а не идея».
(Е.Д.Айпин.)

В марте 1929 года в юртах Тоу-Курт, на реке Амне, в 17 верстах выше ее впадения в Казым, началось строительство первой на Обском Севере культбазы. Она должна была обслуживать население: Юильского городка, Ильбигорских, Амнинских, Моимских, Мозямских юрт, Похру и Полноват, также населенные пункты хантов на Горной Оби, живших выше Полновата.

Культбаза должна была обслуживать более 170 хозяйств хантов, живших оседло, 20 хозяйств полукочевых и 20 кочевых хозяйств.

Выбор места строительства культбазы диктовался не только природно-экономическими, но и социально-политическими условиями. На последнем доводе особенно настаивал первый секретарь Березовского райкома партии Аполлон Дмитриевич Дедюхин. (Позднее Дедюхин станет организатором строительства и Сосвинской культбазы).

На заседании бюро Березовского райкома партии Аполлон Дмитриевич просил учесть густо населенность выбираемого для строительства культбазы участка.

Кроме того, вокруг поселка Тоу-Курт, где и предполагалось строительство культбазы, по берегам реки Амни было много сосновых лесов, пригодных для ее строительства. Через Тоу-Курт шли в разные стороны лесные дороги. Это был узел зимних дорог, а летом до устья реки Амни могли ходить маломерные суда, доставляя необходимые товары и грузы в течение всего лета.

Казымская культбаза строилась под руководством Петра Васильевича Астраханцева (его жена Лидия Николаевна работала в больнице фельдшером и акушером). До приезда сюда П.В. Астраханцев работал председателем Туруханского райисполкома.

10-я годовщина Советской власти на Обском Севере (масло, холст)

В конце 1932 года строительство культбазы подходило к завершению. П.В. Астраханцев с женой выехали в отпуск в г. Томск и возвращаться обратно не собирались. Однако секретарь Березовского райкома партии А.Д. Дедюхин отозвал П.В. Астраханцева из отпуска и предложил ему работу председателя Березовского райисполкома.

22 сентября 1933 году П.В. Астраханцев приступил к работе, в этом качестве. В последствии он станет основным действующим лицом разыгравшейся в этих местах трагедии.

В Казыме было не спокойно. Создаваемая здесь культбаза, оказалась в самом центре священных мест всего Нижнего Приобья, это вызвало недовольство шаманов и части хантов.

Часть семей хантов в знак протеста откочевали в более глухие места. Особенно много выехало к берегам озера Нум-то. На вопрос односельчан о причинах их выезда, они отвечали: «Там, где поселился русский, остякам не жить».

Но было бы несправедливым умолчать о другой оценке, которую давали казымские ханты строительству культбазы. В «Бюллетене общества изучения края при музее Тобольского Севера (1929-1033 гг.)» есть такая запись: «Остяки к постройке культбазы относятся с большим интересом, вполне благожелательно и принимают в работах экспедиции самое непосредственное живое участие путем советов и практических указаний».

Всех жителей Приказымыя объединяло общее негодование социально-экономической политикой, которую проводила новая власть, жесткого навязывания им идей «социалистического образа жизни».

Фиксированная норма сдачи оленей, рыбы, пушнины, установленная Советской властью на всей территории Обского Севера, вызывала недовольство хозяйственной политикой новой власти. В Полноватском Совете ханты угрожали забить весь скот, если хлеб будут выдавать в зависимости от выполнения хозяйственного налога.

В сводках ПГПУ того времени сообщалось, что на Тобольском Севере и во всем Тобольском округе народ бунтует.

Тобольские суды были «завалены» делами крестьян: в день рассматривалось в среднем по 8-13 дел с приглашением от 20 до 40 крестьян. Это было связано с тем, что начался повсеместно переход от «политики ограничения к вытеснению кулачества и ликвидации его как класса». Крестьяне обращались в суд, они искали защиты от произвола местных властей.

В Приказымской тайге это выразилось в «поиске кулаков», к которым, прежде всего, причисляли шаманов, бывших князцов и их родственников. Таких лишали собственности и гражданских прав, что вызывало дополнительное напряжение среди местного населения.

Под давлением шаманов недовольство подогревалось антирелигиозной борьбой Советов против национальных верований и обычаев. По-прежнему велся лов рыбы на священном озере Нум-то, грубо разрушался статус заповедных мест, преследовались религиозные обычаи и обряды.

Охотники, оленеводы, рыбаки Казыма стали все настойчивее требовать от Советской власти отмены высоких ставок самообложения, отмены твердых заданий по сдаче продукции промыслов, отмены перевода кочевого населения на оседлость.

Казымская культбаза была тем идеологическим центром, с помощью, которой, новая власть вела открытую и скрытую борьбу по разрушению национальных, религиозных, социальных традиций она же стала олицетворением идеи обобществления хозяйств.

Осенью 1931 года шаман Е.Я. Ерныхов решил собрать «большой мир» в Юильске. Однако большой сход не состоялся. Но те, кто приехал на собрание, выработали к властям ультиматум: убрать Казымскую культбазу, закрыть рыбный промысел на озере Нум-то, убрать с него факторию «Уралпушнины», а пушнину продавать свободно, а не в счет государства, уравнивать шаманов и «тех, кого записали в кулаки в правах наравне со всеми».

Для предъявления своих требований в декабре 1931 года в юрты Хуллор съехались более 130 человек, «чтобы двумя группами: первая, числом около 30 человек, направиться на культбазу в Амно вторая, числом свыше 100 человек, двинулась к Полновату. В 20 километрах от Полновата бунтовщики были встречены работниками райисполкома. Они успокоили казымцев, пообещав скоро приехать на культбазу и провести собрание, чтобы разрешить все вопросы. Люди разъехались по своим селениям».

Время шло, а «пресс» новой власти не только не ослабевал, он наоборот, набирал свои силы, все более ожесточая позиции «классовой борьбы».

Идея коллективизации, хотя и с большим трудом, но проникла и на Обской Север. К концу 1932 года на территории Остяко-Вогульского округа простейшими формами обобществления было охвачено всего 8 процентов от общего числа хозяйств.

Процесс раскулачивания и классовой борьбы принимал крайне жесткие формы. Особенно остро это ощущалось в национальных районах Сибири.

На Обском Севере для создания колхозов было крайне мало условий, а форсирование темпов коллективизации повлекло за собой нарушение общих организационных форм, а также изоляцию середняка. «Основная ошибка, — отмечалось в документах тех лет; состоит в принятии основной формы колхозного строительства (в Остяко-Вогульском округе) северо-смешанной промысловой артели с полным обобществлением оленей по аналогии с районами центральной части России, без учета конкретных особенностей национального округа».

В Казыме, как и во всем Березовском, районе, стали принудительно обобществлять не только оленей, но и собак, охотничьи ружья, капканы, сети, невода и т.д. Что-что, а слова «Манифеста» об «обобществлении жен» были известны казымцам с приходом новой власти, идея которая, слава Богу, оказалась мертворожденной.

При создании колхозов в Казыме, как и по всей России, допускались факты насильственного включения в колхоз рыбаков, охотников, оленеводов и их семей. Допускались нарушения и иного порядка, когда лучшие рыболовные, охотничьи угодья и пастбища в первую очередь отдавались не колхозам, беднякам и середнякам, а совхозам и государственным учреждениям. Некооперированная же беднота и середняки получали отдаленные пастбища для оленей, бедные рыболовные пески и охотничьи угодья.

Священное озеро Нум-то было передано для промыслового облова госрыбтресту, а также и все священные водоемы, чтимые и охраняемые всем населением Нижнего Приобья.

В объединенных артелях нарушался принцип материальной заинтересованности при распределении доходов. Отсутствовали нормативы выработки. Оплата производилась по принципу уравниловки. Господствовала обезличка. Продолжался перевод сбытоснабженческой и кредитной кооперации в кооперацию производственную, то есть к повсеместному созданию колхозов. «Центральной идеей социалистического преобразования Обского Севера в 1930-е годы была коллективизация».

Особенность коллективизации в нашем крае состояла в том, что на Обском Севере не было предприятий промышленности, не было хлебопашества, а примитивность хозяйства национального населения, его сезонно-кочевой и полукочевой характер по-прежнему находился на крайне низком уровне производительности. Поголовная неграмотность и малограмотность населения, его низкий культурный уровень усложняли и без того непопулярные меры разрушения традиционного уклада жизни северян.

Коллективизации на Обском Севере предшествовали простейшие формы кооперации: сезонные бытовые артели, которые не имели обобществленных средств производства. Их сущность в прошлом состояла или в совместном сезонном выпасе оленей, вылове рыбы, или использовании охотничьих угодий. Эти объединения строились только на обобществлении труда с временно-сезонным обобществлением средств производства с минимальным общественным фондом для отдельных промысловых объединений или страховых запасов.

В 1933 году Президиум ВЦИК СССР постановил: «...произвести экспроприацию всего оленьего стада и прочих средств и орудий производства в зонах тундры и лесотундры Крайнего Севера у отдельных полуфеодалов».

Коллективизация, раскулачивание, жесткость экономических мер, грубое разрушение национальных традиций, воинствующий атеизм, введение всеобуча настолько обострили обстановку, что она была готова, перерасти в вооруженный конфликт.

В конце марта 1933 года Остяко-Вогульский окружком на секретариате Уральского обкома ВКП (б) отмечал, что в «Ломбовожском и Казымском национальных советах – кулачество и шаманы агитацию против Советов маскировали агитацией против учебы хантов и манси в школах».

Таким образом, причина конфликта коренного населения Казыма с Советской властью была вызвана резким вторжением чуждой идеологии и практики хозяйствования, вмешательством в традиционный жизненный уклад северян. Местные Советы и партийные организации часто не считались с национальными традициями, вероломно их разрушали, грубо оскорбляли религиозные обряды и обычаи, разоряли святилища, запрещали медвежьи праздники, оскверняли священные для хантов и манси места, разрушали веками сложившийся традиционнo-хозяйственный уклад.

Самые агрессивные поборники «чистого социализма» за факты грубейших нарушений национальной политики несли наказания. Так в августе 1933 года за факты неуважительного отношения к национальным традициям был исключен из партии секретарь Полноватской партячейки Рычков. Однако в целом это не могло изменить общей ситуации.

Совокупность непродуманных жестких и вероломных мер в социально-политических и экономических преобразованиях вызвали массовый протест населения всего Приказымья. Ущемление национальных, экономических прав со стороны Советской власти явилось причиной вооруженного восстания на Казыме. Это было наиболее организованное выступление в нашем округе, которое с обеих сторон привело к человеческим жертвам.

VI

Накануне восстания

«Величайшая истина истин в том, что землю можно только полюбить,
но нельзя покорить».

(Е.Д. Айпин)

На всей территории Приказымья в 1931-1932 учебном году местные власти ввели в действие закона о всеобуче. Более того, Казымский тузсовет вынес решение о привлечении к судебной ответственности родителей, которые отказывались отдавать детей в школу. Детей насильно отнимали и отправляли в Казымскую культбазу.

Новый заведующий культбазой Бабкин, которому казымцы дали прозвище «Бабитек-ики», что значит «крепкий мужик» осенью 1931 года направил во все юрты

культбригады по вербовке детей в школу. В Юильских юртах, где жили оседлые ханты, отец семейства Иван Алексеевич Аликов не захотел отдавать своих детей в школу. Ему было «... предъявлено административное взыскание, отобрано ружье в виде штрафа.». Используя подобные методы, в школу культбазы было собрано 50, а затем еще 100 учеников.

Несколько раз шаманы вместе с рядовыми охотниками, рыбаками, вооруженные ружьями, приезжали зимними вечерами на культбазу и увозили детей домой. Зимой 1932/33 года школа практически не работала.

Шаманы настойчиво убеждали своих родичей: «Если дети будут учиться, они не захотят жить в юртах, они потребуют русские дома, русскую одежду...».

Шаманы в этой части были правы. Культбаза имела хорошую материальную базу: школу, интернат, больницу, Дом народов Севера, факторию «Уралпушнина», баню, библиотеку, электростанцию и т.д. Она являлась «форпостом» культуры и новой жизни. Все равно ханты своих детей в школе учить не хотели.

С 28 декабря 1931 года по 12 января 1932 года на Казымской культбазе началось открытое выступление казымских хантов, организованное местными представителями родовой знати и шаманами против мероприятий тузсовета и культбазы.

В декабре 1931 года на тайном миру (собрании) в далеком селении, в вершине Казыма, в Юильске ханты выработали свои требования и в форме ультиматума предъявили их Советской власти. В категорической форме казымские ханты требовали: отменить всеобучь, убрать все фактории, восстановить в избирательных правах местных князцов и шаманов, ликвидировать Советы в Казыме.

Ходили слухи, что здесь в Юильских юртах скрывался русский человек, который тайно руководил подготовкой к открытому выступлению местного населения против Советской власти. В частности заведующий Нумтовской фактории Никитин, позднее на допросе показал, что слышал, как в разговорах между собой ханты упоминали о каком-то русском человеке, тайно проживающем в Юильске.

Председатель народного суда Уральской области Самуил Гдальеваич Чудновский, прибыв в Казым в связи с вооруженным восстанием, также предполагал, что «казымское восстание не обошлось без бывших колчаковских офицеров», которые могли укрыться в глухих таежных местах после разгрома армии адмирала Колчака.

Однако документальных подтверждений этому в литературе о нашем крае пока нет. Позднее сам ход вооруженного восстания показал, что оно было тщательно спланировано и подготовлено, во всем чувствовалась «сильная рука» его руководителя.

Холодным декабрьским утром 1931 года «выждав момент, когда заведующий Бабкин уедет с культбазы, туземцы в большом количестве нагрянули на базу, разобрали детей из школы, потребовали переизбрать туземный Совет, восстановить в правах шаманов и грозили сжечь избы культбазы».

За антисоветскую деятельность часть организаторов и участников этих событий шаманы Уфрем Каксин, Александр Егизоров, Артем Емпожихов и Роман Рандымов были арестованы. Арест проводил первый чекист ханты Захар Никифорович Посохов.

Родился он в юртах Мулигорт (ныне Октябрьский район). В 1926-1927 годах работал председателем правления Чемашинского кооператива, позднее был председателем рыбартели в Чемашах. С 1931 года работал в аппарате Березовского районного комитета ВКП(б), учился на курсах школы ОГПУ в г. Свердловске. В 1933 году был назначен помощником оперуполномоченного ОГПУ по Березовскому району.

После ареста шаманов власти были вынуждены пойти на некоторые уступки требованиям взбунтовавшихся туземцев, во избежание более серьезных конфликтов. Остяко-Вогульский окружной исполком разрешил провести перевыборы Казымского туземного Совета.

Председателем Совета был избран небогатый хант Прокопий Спиридонов. Он хорошо читал по-русски, умел читать и писать печатными буквами, обучившись этому на краткосрочных курсах в Березово.

Высокий, приятной наружности пятидесятилетний седовласый Прокопий имел осанистую фигуру. В роскошной меховой одежде, перехваченной широким ремнем с бесчисленными блестящими подвесками и большим охотничьим ножом, он был похож на вождя индейского племени. Очень хитрый и изворотливый Прокопий был на стороне шаманов, одному из которых он приходился дольним родственником. Членами тузсовета были избраны близкие люди Спиридонова Каксин и Волдин.

В Казымской тайге было беспокойно, ходили различные тревожные слухи. Очередной всплеск недовольства туземцев вызвало сообщение о том, что по решению кооператива было намечено начать облов рыбы на священном озере Нум-то, неприкосновенность которого веками охранялась священным запретом. В озере было изобилие рыбных запасов: водилось много щуки, окуня, ерша, пеляди, плотвы, нельмы. Однако с незапамятных времен озеро считалось священным, и никогда на нем не проводилась никакая промысловая деятельность.

Как только казымцы узнали о том, что кооператив направил на озеро Нум-то рыбаков для облова рыбы, они тут же догнали рыболовецкую бригаду и принудили ее вернуться обратно, были приняты меры по усилению охраны священного озера.

Казымские ханты попросили самоедов, живших на северном побережье Нум-то оказать им помощь в охране озера. После приезда самоедов все подъездные дороги к озеру были перекрыты.

Казымские ханты и ненцы (самоеды), через рыбаков рыболовецкой бригады, изгнанных ими с озера, передали, что они требуют личного приезда на озеро Нум-то председателя кооператива и заведующего культбазой, для ведения переговоров о недопустимости ведения лова рыбы на озере Нум-то, почитавшееся ими как священное место.

На Нум-то были командированы Шершнев, исполнявший обязанности заведующего культбазой, Хозяинов председатель интегралтоварищества, председатель Казымского тузсовета Спиридонов и переводчик из числа спецпереселенцев.

Приехавшие на Нум-то Шершнев и Хозяинов на случай если ненцы окажутся кулаками приготовили веревки, чтобы их связать и доставить на культбазу и самодельные гранаты. Но ненцы на встречу не пришли, видимо Спиридонову удалось каким-то образом предупредить их о намерениях Шершнева и Хозяинова. В тот же день Шершнев и Хозяинов выехали на культбазу. Через день ханты приехали на культбазу, по их словам хотели обо всем договориться мирно, а не воевать.

Для переговоров с ними были направлены председатель Березовского райисполкома А.В.Ганин и еще два работника аппарата райисполкома, с целью разъяснить им о неправильных действиях Шершнева и Хозяинова, которые к тому времени уже были уволены с работы за неправомерные действия. Ганин предложил бастующим отказаться от осады озера Нум-то и допустить бригады для облова рыбы. Это предложение туземцами было категорически отвергнуто.

С целью призвать хантов и ненцев к повиновению была направлена новая бригада во главе с учителями школы Казымской культбазы Лоскутовым и Мякушко. Но переговоры успехов не имели. Взбунтовавшиеся туземцы отказывались повиноваться, требовали отменить всеобщую, убрать все фактории, восстановить в правах шаманов, ликвидировать Советы в Казыме.

Окружной комитет ВКП (б) предложил Березовскому райисполкому создать авторитетную комиссию, чтобы она могла решить все вопросы на месте, в Казыме. В состав комиссии вошли уполномоченная Уральского обкома партии Шнейдер, председатель Березовского райисполкома П.В. Астраханцев, сотрудник Березовского ОГПУ Захар Посохов, заведующий культбазой Смирнов, от тузсовета в состав комиссии вошли Прокопий Спиридонов, Егор Каксин, Никита Каксин, а также шаман Мозямов.

Накануне отъезда в Казым Захар Посохов зашел к Астраханцеву:

– Нельзя нам в Казымскую тундру брать с собой женщину.

– Какую женщину? Шнайдер? Она представитель Уральского обкома партии и послана специально для разбора дел в Казыме.

– Все равно нельзя, - настаивал Посохов, - вдруг кулаки встретят нас пулями.

– Шнайдер - старая большевичка, ее не испугаешь. Да в чем дело, почему ты встревожился? Рассказывай, - потребовал Астраханцев.

– Надежные люди из охотников ханты нам сообщили, что казымскими кулаками и шаманами руководит белый офицер. Говорят, что у него даже пулемет с собой имеется.

– Откуда офицер на Казыме взялся? – усомнился Астраханцев.

– Все может быть. От Колчака мог остаться.

– Хорошо, - согласился председатель райисполкома. Я скажу ей. А что еще известно о Казыме?

Посохов рассказал о положении в Казыме и привел несколько дополнительных сведений.

– Ненцы и примкнувшие к ним казымские и обские ханты, где-то около 300 человек, грозятся сжечь культбазу и разгромить советские учреждения в Березово.

Астраханцев покачал головой и сказал:

– Ну и дела. А у нас на пять членов бригады всего три револьвера.

– На открытое вооруженное восстание, я думаю, они все-таки не пойдут.

На предложение Посохова вооружить бригаду винтовками Астраханцев категорически отказался:

– Этого делать не надо. Они люди обманутые. Им надо помочь во всем разобраться.

VII

Казымское вооруженное восстание

Будучи в конце 1960-х годов в г. Омске мы с известным сибирским ученым Будариним М.Е. проходили мимо большого серого здания.

«Здесь в подвальном помещении, сказал Михаил Ефимович, – под большим секретом раньше хранились тайны кровавой Казымской трагедии начала 1930 годов» (в тот год ученому разрешили работать с документами Казымского вооруженного восстания, на которых стоял гриф «совершенно секретно»).

Позже, уже в 1987 году в третьем, дополненном и переработанном издании «Чекисты» М.Е.Бударин напишет о событиях в Казымской тайге конца 1930-годов довольно подробно в четырех небольших рассказах.

Астраханцев, Шнейдер и Смирнов в октябре еще по воде выехали в Казым. Но ранняя осень сковала льдом Казым и его огромный «сор» при впадении в реку Обь. Бригада была вынуждена оставаться в Полновате до установки зимнего пути.

В то время часть казымцев решила откочевать к озеру Нум-то, чтобы собрать силы для борьбы с новой властью. По пути, на острове Сумут-Пай старший шаман Ефим Вандымов, совершив жертвоприношение в честь Казымской Богини, устроил большое камлание. В жертву принесли четырнадцать белых оленей. Шкуры убитых животных по обычаю развесили на соснах, окутав их стволы кусками разноцветной материи.

На третий день казымские ханты подъехали к стойбищу ненцев. Ефим Вандымов и самоедский шаман Атлята совершили совместное камлание, сообщив, что духи требуют от собравшихся принести в жертву русских, которые будут встречаться в тундре. Впервые в святой Мекке Приобья лесные Боги потребовали себе в жертву живых людей.

Не дожидаясь санного пути пешком по таежным тропам начальник культбазы Смирнов ушел из Полновата в Казым. Шнейдер и Астраханцев со своей бригадой только в ночь на 12 ноября смогли выехать на оленях в Казым на культбазу. Через несколько дней туда приехал Захар Посохов. В этом составе бригада Астраханцева выехала на озеро Нум-то. Бастующие казымцы и самоеды в то время находились в вершине реки Казым, километрах в 100 от Священного озера. Свой лагерь бастующие разбили между сопками, поросшими кустарниками и низкорослыми березками. В верховых болотах у них паслись большие стада оленей.

Было решено послать к бастующим Спиридонова и Каксина, которые должны были передать им приглашение приехать на озеро Нум-то для переговоров. Бастующими предложение о встрече было отвергнуто. Они просили бригаду Астраханцева приехать к ним самим в их стойбище.

3-го декабря, уже поздно вечером, в чуме ненца Аны Комзя эта встреча состоялась. Однако в этот день, точнее уже ночь, ни к какому решению стороны не пришли. 4-го декабря в чум, в котором расположилась бригада Астраханцева, ворвались ханты и ненцы. Они связали всех арканами, отобрали имевшиеся у них три револьвера, вытащили из чума, избili и снова затащили в чум.

Когда в чум вошел работник Уралпушнины Никитин, который только что подъехал к месту событий, то увидел лежащими на полу всех членов бригады Астраханцева, туго перевязанных тынзянами по рукам и ногам.

4-го декабря свои требования бастующие высказали в трех пунктах, которые и были записаны Никитиным, хорошо знавшим хантыйский язык:

1. Вернуть четырех арестованных в 1933 году шаманов.
2. Убрать торговые организации с берегов Нум-то.
3. Не вербовать детей в школу.

С этим письмом Никитин, Смирнов, и Егор Каксин были отпущены на культбазу для передачи ультиматума. Остальные члены бригады Астраханцева были оставлены в стойбище бастующих в качестве заложников. Срок истечения ультиматума определялся в один месяц.

Уже через два дня, 6-го декабря, об ультиматуме стало известно на культбазе, еще через два дня в Березово. Еще через день о событиях на Казыме был извещен первый секретарь Уральского обкома партии И.Д. Кабаков, он поручил разобраться в ситуации, сложившейся на Казыме председателя Уральского областного суда Самуила Гдальевича Чудновского.

Перед революцией С.Г.Чудновский в течение четырех лет отбывал царскую ссылку в селе Демьянском на реке Иртыш, в 1920-х годах был председателем Иркутского ГубЧека и председателем следственной комиссии по делу Адмирала Колчака, который вместе с Пепеляевым по решению военно-революционного комитета был расстрелян.

10-го декабря из Свердловска на Казым выехала экспедиция в составе сотрудников ОГПУ, подразделения красноармейской воинской части особого назначения. Экспедицию возглавили С.Г.Чудновский и его заместитель Булатов.

По прибытии С.Г.Чудновский трижды посылал парламентариев в стан бастующих. Их задерживали по неделям. Из второй группы парламентариев бастующие не отпустили Белозерова. Вместе с тем, все вернувшиеся от бастующих уверяли, что видели всех членов бригады Астраханцева живыми и здоровыми. Бастующие по-прежнему настаивали, чтобы власти полностью удовлетворили их требования.

Чудновским была предпринята еще одна попытка договориться с бастующими. В состав делегации для переговоров вошли Спиридонов и Волгин. Бастующим было предъявлено требование о немедленном освобождении заложников. Этот ультиматум должен был предъявить Прокопий Спиридонов и как представитель Советской власти потребовать немедленно отпустить заложников и если это требование не будет выполнено, то Советская власть вынуждена будет принять самые жесткие меры.

Перед отъездом делегации Прокопий Спиридонов зашел к С.Г. Чудновскому, притворно гневаясь, стал возмущаться коварными действиями кулаков, захвативших бригаду Астраханцева: «Что наделали варнаки-шаманы. Прямо, беда. Они же убьют Астраханцева и его людей. У меня душа болит, прямо плачет.... Пиши сердитую бумагу ненцам-кулакам и шаманам-хантам на озеро Нум-то. Пусть вернут бригаду Астраханцева».

С.Г.Чудновский написал письмо «ненцам озера Нум-то», в котором разъяснил о противоправных действиях по удержанию заложников и в конце письма сделал приписку: «Требую немедленно отправить ко мне Астраханцева, Шнейдер, Посохова, Нестерова Смирнова и их проводников – переводчиков Каксина и Лозямова.

Председатель Уральского областного суда Чудновский.

25 декабря 1933 года, Амня-Вож.

Спиридонов со своей делегацией вернулся через 26 дней и без заложников, но заверил Чудновского, что все заложники живы. «Астраханцев, Смирнов, Посохов, Нестеров находятся у самоедов, а Павел Лозямов, Костин и Белозеров – у остяков. Однако самоеды и ханты откочевали еще дальше. Обрато мы ехали 13 дней, вперед – 9, жили у самоедов 4 дня, скрывая правду», - рассказывал Чудновскому Прокопий Спиридонов.

2 февраля самолетом («Л-108» – легкокрылый биплан) и на оленях Чудновский отправил своих людей на озеро Нум-то. С ними выехал его помощник Булатов.

Пилот Антюшев на опушке леса, у костра, увидел красноармейцев, которые махали руками, указывая направление на восток. Через полчаса пилот и чекист увидели у подножий Северных Увалов несколько чумов, олени упряжки и стада оленей. Несколько десятков людей выбежали из чумов и открыли стрельбу из ружей по самолету. Пилот Антюшев резко снизил высоту и на бреющем полете, с ужасающим ревом мотора пронесся над головами стрелявших. Среди них началась паника. Кто-то успел вскочить на нарты и, стоя, с гиканьем погнало упряжки в лес.

Артюшев совершил посадку недалеко от чумов. Пропеллер, при заглушенном двигателе самолета, еще вращался, когда пилот и чекист подбежали к ближней юрте. «Выходи!» - крикнул пилот. Из чума с поднятыми руками стали выходить вооруженные люди.

Расспросы о судьбе бригады Астраханцева ничего не дали. Чекист и пилот взяли под руки двух мужчин, отобрали у них ружья, подвели к самолету и заставили сесть в кабину. Доставленные Чудновскому двое из участников поведали следователю страшную историю.

В то время отряд 55-го дивизиона войск ОГПУ под командованием Булатова остановил обоз из 12 нарт, которые выехали, по словам задержанных, по заданию кооператива на озеро Нум-то за выловленной там рыбой.

Булатов потребовал всем вернуться по домам, четверых ненцев задержал и повез на культбазу, другим ненцам передал письмо к повстанцам с требованием немедленно привести на озеро Нум-то заложников во главе с Астраханцевым, за которыми через два дня будет послан самолет. Только после этого задержанные самоеды будут отпущены.

Оказавшись в заложниках, Астраханцев и его товарищи в течение двух недель ежедневно вели переговоры с бастующими. Но все эти переговоры ни к чему не привели. На 17-ое декабря вновь была назначена встреча для переговоров. В то утро Астраханцева разбудила хозяйка чума, которая вытаскивала все из чума на улицу. «Наверное, готовят чум для собрания», решил Петр Васильевич. Один за другим в чум вошли самоеды, казымцы и несколько мужчин, которых заложники увидели впервые. Их было много, в чуме стало тесно.

По команде Ефима и Ивана Вандымовых всех членов бригады связали арканами. Астраханцев попытался остановить произвол, но в это время к нему подошел высокого роста, довольно крупного телосложения главный шаман Казыма Ефим Вандымов, ударил его по лицу кулаком и приказал всех заложников вывести на мороз. Возмущенный чекист Посохов, обращаясь к Спиридонову, потребовал остановить избиение: «Ты же Советская власть – напомнил Посохов. Ты нас предал, собака. Об этом мы поговорим с тобой в Березово». Прокопий, зло, ухмыляясь, ответил: «На дне Казыма с рыбами поговоришь». С заложников сняли обувь, снова связали ноги и поставили на снег. Женщины зароптали: «Зачем их убивать. Они ведь люди». Ефим Вандымов прохрипел русскую матерщину и пригрозил убить всех, кто будет заступаться за русских.

Расстрел Сенькина (масло, холст)

Прокопий Спиридонов, не дожидаясь конца расправы, уехал на культбазу. Продолжая лгать Чудновскому, Спиридонов заверял, что члены бригады Астраханцева живы, но ханты-кулаки и шаманы-ненцы увезли их или в сторону Сургута или на Ямал. А он, обстрелянный кулаками, едва успел от них уехать. Чудновский усомнился в правдивости рассказа председателя Казымского Совета. Спиридонов, выйдя от Чудновского, послал всех своих трех сыновей с наказом «шаманам и богачам обских селений создавать вооруженные отряды, чтобы выступить на помощь казымской банде». Сыновей Спиридонова удалось задержать, сразу же, как только стали известны подробности кровавой расправы над Астраханцевым и его товарищами.

Главный шаман Казыма Ефим Вандымов провел камлание. В момент камлания заявил, что духи требуют принести в жертву этих пятерых русских. После этого всех пленных вывезли на озеро Нум-то. Астраханцеву, Шнейдер, Посохову, Нестерову и Смирнову накинули на шею веревки, привязали к оленям, оленей погнали и таким образом задушили, после чего задушенных скальпировали, а у Шнейдер вырезали груди.

Так впервые на святых местах Казыма люди убивали людей. На том же святилище озера Нум-то острове Сумут-Пай было совершено шаманское камлание, на котором были принесены в жертву духам пять несчастных русских и семь белых оленей.

В кровавой расправе над бригадой Астраханцева участвовал председатель Толькинского национального Совета Семен Сигильетов, перешедший на сторону восставших. При его участии (некоторые полагают, что он лично) были убиты на реке Надым, уполномоченный уголовного розыска Мурашев, милиционер Дмитрий Логай и член правления интегралкооператива Максим Ануфриев.

Главный шаман Казыма Ефим Вандымов и руководитель восстания Иван Вандымов отдавали свои последние распоряжения. Если придут красноармейцы, всем шаманам нужно уехать на оленях, остальные должны остаться на месте и стрелять по русским из винтовок и ружей.

На ближних сопках Северных Увалов, куда снова откочевали восставшие, были устроены сторожевые вышки. Тесным кругом были поставлены чумы. В них находились только вооруженные мужчины, не менее 150 человек. Рядом с этим кольцом постоянно находилось 20-30 оленьих упряжек с разъездными разведчиками.

Прошло несколько дней, восставшие, оценив свою безнадежность, стали постепенно разъезжаться по тайге в разные стороны, мелкими группами и поодиночке, чтобы скрыться от возмездия.

8 февраля отряд Булатова наткнулся на группу вооруженных самоедов, вступил с ним в перестрелку. Вооруженное столкновение продолжалось около часа. Самоеды были разоружены. В отряде Булатова было три убитых и один ранен. Самоеды в перестрелке потеряли десять человек. Здесь Булатов узнал, что пять человек бригады Астроханцева были зверски убиты. Четвертого марта 1934 года в Березово был траурный день: хоронили восьмерых погибших от рук восставших.

Несколько месяцев чекисты ходили по следам, разбежавшихся по тайге участников кровавой расправы. Было арестовано 60 человек, участников вооруженного восстания. Органами ОГПУ, под предлогом борьбы с суеверием 150 шаманов из самых авторитетных родов хантов, манси и ненцев были репрессированы. Летом 1934 года Остяко-Вагульским судом одиннадцать активных участников Казымского вооруженного восстания (1933-1934 гг.) П. Спиридонов, Е. Вандымов, И. Вандымов, П. Молданов, Е. Молданов, Ю. Молданов, М. Каксин, Сенгепов, Е. Молданов, А. Молданлов и В. Оксятах были приговорены к высшей мере наказания.

По свидетельству Л.Н.Астраханцевой (жены убитого П.В.Астраханцева) по апелляции осужденные были помилованы и смертную казнь им заменили тюремным заключением. Однако, как пишет писатель Е.Д. Айпин: «...ни один из них до тюремной камеры не дожил... Официальные власти объявили, что все умерли в следственном изоляторе от сердечной недостаточности..., но все одиннадцать человек не могли одновременно умереть».

Так завершилась Казымская трагедия.

Вместо эпилога

Вместе со всею хантыйской землею
Всеми глазами погибших героев
Всеми глазами живущих смотрю
Песню пою я, встречая зарю.

В.С. Волдин.

В Березово установлен на братской могиле обелиск жертвам гражданской войны. На площади Победы сооружен памятник Герою Советского Союза Е. Собынину, рядом с ним стоит монумент скорби - памятник жертвам Казымской трагедии.

Это памятники нашего края, запечатлевшие героические и трагические события ушедшего XX века.

У каждого общественно значимого события есть свой Рим или Карфаген. Казымское вооруженное восстание не является здесь исключением. Оно было трагедией хантов, манси, ненцев, всех народов, населяющих этот чудесный уголок земли.

Пусть эта трагическая страница истории народов Обского Севера станет уроком нынешним поколениям, вершащим судьбу и историю этих народов.

Народы Обского Севера, включенные в рыночные отношения, нефтяной бум, газовое ожерелье огней, окружившие их со всех сторон поставили перед ними вопрос.

«Быть или не быть?!»

Хантыйский писатель Е.Д. Айпин раскрывает эту проблему в диалоге своих соплеменников: «Где нам пасти оленей? – спрашивает оленевод Казыма.

Где нам промыслять зверя и птицу? – спрашивают охотники Тромагана и Ваха.

Где нам ловить рыбу? – спрашивают рыбаки на Конде и Казыме, на Иртыше и Оби. Где нам жить?» – вздыхают жители реки Пима.

Писатель Е.Д. Айпин хорошо знает свою землю, он горестно отвечает рыбакам, охотникам, оленеводам:

«На север пойдешь – на нефтепромысел придешь,
на восток пойдешь – в город придешь,
на запад пойдешь – на бетонку выйдешь,
на юг пойдешь – на испохабленный Самотлор выйдешь.

Так быть нам или не быть?»

Если «быть», то надо немедленно приступать к созданию заповедных территорий в местах проживания коренных народностей округа по рекам Казым, Сосьва, Назым, Конда, Юган, Пим, Аган, Тромаган, Вах и др. Ханты, манси, ненцы, сегодня выживут лишь в том случае, если сохранить их традиционные промыслы. Возможно ли это? Да, возможно! Те меры, которые принимает сегодня руководство Ханты – Мансийского округа вселяют в это надежду. Несколько лет существует в округе первый природный парк «Нум-то», где в 1933-1934 гг. разыгралась кровавая драма. В память о тех событиях необходимо восстановить «потерянный рай» для коренных жителей и сохранить те места, где когда-то была «священная Мекка» Приобья, первоначальный порядок, который веками хранили его жители. Это будет наша память всем тем, кто отдал свою жизнь за счастье и процветание этого края.

КРЕСТНЫЙ ХОД НА ОБИ

Давние связи российского государства с жителями Зауралья, проложение торговых путей и некоторая зависимость югорских княжеств в уплате ясака объективно способствовали появлению условий для присоединения сибирского края к России. Этот процесс начался в конце 16 века, однако в 1563 году он был приостановлен в связи с захватом Сибирского ханства Кучумом. После похода Ермака открылись широкие возможности для дальнейшего заселения русскими бассейнов рек Туры, Тавды и Нижнего Тобола. В 1593 году по указу царя российские служилые люди начали строительство городков на Югорской земле.

К этому же периоду относится включение Югры в православный крестный ход на Оби, который начали миссионеры. Официальный государственный процесс крещения жителей северного края в православную веру начался при Петре Великом...

Кондинский Свято-Троицкий храм стал не только религиозным центром на среднем течении Оби, его церковные престолы не только "образовали в Кодском городке государево моление", высочайше было велено "... чтоб ведя православие остяков крестить". Монастырь стал центром православной миссии на всем Обском Севере.

Крещение остяков (Стефан Пермский) (масло, холст)

Приобщение коренных жителей к христианству в основном шло ненасильственным путем, так как иноверцы хорошо понимали, что их дальнейшая судьба (после разгрома хана Кучума) связана с русским народом. Православие медленно и неотвратно теснило язычество. В лоно христианства уходили даже некоторые жрецы идолопоклонства (но такие случаи были крайне редки). Так, миссионеры Иван и Авраамий сумели убедить в истинности христианства шамана Батлымского городка Николая Молданова, имевшего прозвище Тонья...

Немалая заслуга настоятеля храма Евстратия состояла в том, что его ученик Подемха (в миру Соколов Павел Поликарпович), сын матлымского шамана, перешел в православную веру. Однако ни обучение в монастырской школе, ни чтение священных писаний, ни длинные проповеди отцов-святителей не могли заставить его полностью отказаться от идолопоклонства. Вернувшись в Матлым, Подемха после смерти отца, несмотря на свою молодость, стал главным хранителем местного капища на Светошной горе и главным шаманом Матлымского погоста.

Авраам и Иван на свой страх и риск, но с молчаливого согласия умного настоятеля церковной обители Евстратия, каждое лето выезжали в юрты иноверцев с проповедями, усматривая свое "хождение" как открытие врат крестного хода на Оби, веруя в то, что их подготовка людей к принятию таинства Божьего и есть служение Христу. Через некоторое время, одержимые служением старой вере, они ушли в раскольничьи скиты, где их бывший ученик Доминиан призывал раскольников к самосожжению. Скрываясь от властей и гонимые официальной Церковью, Иван и Авраам долго скитались по Юрюмским лесам и, загнанные на маленький остров Тарманских болот, скончались один за другим. Предотвратить трагедию им не удалось. В ночь на 6-е января 1679 года лесные кельи-избушки жарко запылали, унося жизни 1700 раскольников-староверцев.

В 1707 году исполнилось 50 лет со дня основания Кондинского Троицкого монастыря. По этому поводу была совершена литургия во славу здешних церковей Живоначальной Троицы и Николая Чудотворца. На церемонии присутствовали миссионеры Павел Стаховский, Иван Дорошенко и Петр Неделько, присланные Феллофеем Лещинским для приобщения жителей Березовского края к православной вере...

Канули в прошлое времена, когда миссию выполняли фанатики-одиночки, какими были монахи Кодского монастыря Иван и Авраам. На земли Обского Севера были посланы правительственные экспедиции христианских проповедников, охраняемых царскими солдатами. Настоятель Кодской обители мудрый старец Филарет встретил миссионеров с глубоким почтением. Он остался довольным учеными монахами, с которыми у него сложились весьма уважительные отношения.

Миссионеры Иван, Павел и Петр уже после первых встреч с местными жителями убедились в том, насколько трудно обращать их в православную веру. Даже окрестясь, они продолжали держаться идолопоклонства, которое было скорее суеверием, нежели верой. При общении с жителями Нагакарского, Алешкинского, Батлымского и Матлымского городков выяснилось, что они понимают заветы Христа, которые у них не вызывают никаких сомнений. Но как только речь заходила об ущербности идолопоклонства и грехе жертвоприношений, сразу чувствовалось отчуждение и недоверие.

Иноверцы, сравнивая, камлания шаманов и магические действия церковнослужителей, легко принимали в свою веру крестное знамение, видя в нем рациональное средство борьбы с недобрыми силами. Они воспринимали языческие суеверия и христианскую мистику как единое целое, в котором было больше общего, чем различного. Не только в понятии о Боге, но и в регулировании нравственных отношений народов Обского Севера обосновывались те же нормы, которые записаны в Священном Писании...

Летом 1712 года митрополит Сибирской епархии Ф. Лещинский в сопровождении своего сподвижника Г. И. Новицкого и небольшой группы солдат-стражников начал крестный ход по Оби и Иртышу, положив начало официальному крещению Югры. В то лето были крещены в православие жители Белогорья, Матлыма и Кодского городка.

В беседе с настоятелем Кондинского монастыря Зиновием митрополит коротко изложил положения царского указа о разорении идольских капищ и строительстве на их месте православных храмов. При этом митрополит предупредил, что сделать все нужно так, чтобы крещение язычников не окропить кровью. "Великий Владимир без кровавых смут, без войны, без лютого коварства крестил всю Русь", - закончил разговор Лещинский и остался доволен тем, что в лице настоятеля нашел единомышленника.

Перед отъездом в Шеркалы митрополит окрестил более тридцати иноверцев в Коде. Принял христианство и дальний родственник низямских князей Роман Онжа с семьей. Спустя несколько лет Онжа поселился на монастырском подворье и стал помогать ученым монахам делать переводы церковных книг на язык новокрещенных...

О Фелофее Лещинском краевед Н.А. Абрамов писал так: "Какая мудрость, какое терпение нужны были для того, чтобы обратить в христианство сорок тысяч иноверцев, построить храмы и школы на Оби! Сколько силы, воли, мира в сердце, твердой уверенности в истинности своего дела и непоколебимой надежды на помощь Божию нужно было для совершения многотрудного дела! Нива, обработанная его руками, взрастила семена слова Божия...".

Летом 1807 года Кондинский Троицкий монастырь отметил свое 150-летие. В памятной литургии игумен Иннокентий не забыл упомянуть о светлой памяти Ивана и Авраама, всех миссионеров, которые были первыми в Крестном ходе на Оби. Конечно, не был забыт и митрополит Тобольский Фелофей Лещинский, ныне причисленный к лику святых.

Кондинский монастырь по-прежнему оставался единственным центром православного учения на среднем течении Оби (Обдорская миссия существовала отдельно), откуда исходила миссия, разрушавшая устаревшие обряды и обычаи языческой веры. Монастырь был не только главным носителем православной веры, но и центром народного просвещения - при обители действовала церковно-приходская школа.

Миссионеры часто посещали иноверцев в селениях и остяцких юртах, уходили вслед за кочующими оленеводами. Они внедряли в среду местного населения самые простые понятия о сотворении мира, о человеке и его главных ценностях... Наставления священников оберегали от всяких излишеств, приучали к соблюдению постов и престольных праздников, помотали вести более здоровый образ жизни.

Миссионеры Кондинского монастыря, да и священнослужители Матлымской, Шеркальской и Чемашинской церквей, понимали, что идолопоклонство постепенно теряет свое былое значение и заменяется двоеверием.

Монастырь (масло, ДВП)

Священникам остяцких приходов велено было три раза в год объезжать свою паству на казенных подводах. А.А. Дунин-Горкавич, тобольский краевед, побывавший на Обском Севере в начале 20-го века, писал: "Христианство, не проникнув глубоко в сознание остяков, смешивалось с языческими верованиями, в результате чего религиозные взгляды, представлявшие из себя смесь христианства с языческими верованиями, которые преобладали, определили суть двоеверия..."

Тем не менее, внедрение религиозной идеологии в сознание иноверцев стало закономерным процессом. Это был очередной этап развития духовной культуры жителей Обского Севера. В целях углубления этого процесса шло ускоренное строительство церквей. Если в середине 18-го века на Тобольском Севере насчитывалось 374 храма, то в начале 20-го их было 700. При всех церквях работали приходские школы...

Однако в целом дела Духовного правления, которым руководил Кондинский Троицкий монастырь, шли затруднительно. С целью оживления миссионерской деятельности Тобольский архиепископ Евгений Казанцев со своими помощниками совершил поездку по Иртышу и Оби. Знакомясь с делами на местах, он пришел к выводу, что "...во всех инородческих поселениях тайно и открыто шаманы, сами будучи крещеными, совершают камлания, исповедуют идолопоклонство и совершают жертвоприношения...". Преемник архиепископа Арсений в ответ на отчет предшественника неоднократно получал предписания Синода: "Укомплектовать штат Кондинского Свято-Троицкого монастыря людьми, способными к миссионерской деятельности".

В 1844 году при Кондинском монастыре вновь была учреждена (вместо распавшейся) церковная миссия - "для проповедования иноверцам Березовского края христианской веры и для утверждения в ней крещеных остяков, не знающих христианских обязанностей...". Миссию возглавил бывший настоятель Воронежского монастыря иеромонах Арсений. Монастырская братия Копдинской обители снова (но более прилежно) взялась за дела духовной миссии.

Настоятель Арсений, вступая в должность, при клятве на Библии не забыл упомянуть и о просвещении иноверцев. "Доподлинно известно, - говорил он, обращаясь к братии, - что еще матушка-императрица Екатерина Вторая в свое время требовала, в целях сближения туземцев с русскими, завести особые школы или вовлекать коренное население в русские школы. Но обучать нужно особым способом, сообразуясь с родом верований и занятий северян..."

В 1849 году в школе Кондинского монастыря обучалось 13 остяцких и 10 русских школяров. Подобные школы были открыты при Матлымской, Шеркальской и Чемашинской церквях. Тобольский епархиальный комитет обязывал всех миссионеров "усматривать способных мальчиков и девочек, располагать их к учению и направлять первых в Обдорск, а последних - в Кондинскую общину...". Лучшие выпускники направлялись в образцовую школу Тобольской духовной семинарии. Окончив обучение, "они могли быть лучшими деятелями в низовом крае на разных поприщах как знатоки туземного языка..."

Усиление православно-миссионерской деятельности на Тобольском Севере в конце 19-го века способствовало продвижению христианства в самые отдаленные поселения местных жителей. В 1872 году все три миссии - Кондинская, Обдорская и Сургутская - были подчинены Тобольскому епархиальному комитету миссионерского общества России. В журнале Тобольской епархии систематически печатались отчеты о делах этих миссий для всеобщего ознакомления.

В 1886 году в деревне Шеркалы освятили новое здание храма. Через несколько дней крещеные ханты из Алешкинских и Низямских юрт попросили шеркальского священника Евгения Иваницкого, для изгнания болезней, совершить крестный ход в их поселения. Отец Евгений долго уговаривал ново-крещенных отказаться от крестного хода, поскольку стояли сильные морозы, державшиеся с Рождества Христова.

- В такую зимнюю стужу, - говорил священник, - нести святые иконы за тридцать верст весьма затруднительно.

- К морозу мы, батька, привычны, - настаивал низямский охотник Терешкин. - Мы всю зиму, считай, по лесам ходим для звериного промысла. Помоги нам, батька.

Рано утром 2-го февраля 1886 года крестный ход, который возглавил настоятель Шеркальского храма, двинулся в сторону Алешкинских юрт. На Оби, поднимая снежную поземку, дул холодный западный ветер. Это был первый и последний крестный ход иноверцев на Обском Севере.

На второй день все собравшиеся возле юрты Алачаева, в которой ночевал священник, были поражены невиданным чудом. Утро выдалось необычно теплым и тихим. Солнце настолько пригрело землю, что "остяцкие жены и их дочери выходили на общественный молебен в летних костюмах...".

К полудню крестный ход двинулся в Низямы. Когда народ там собрался на молебен, на оленях приехал нарочный, который просил от имени общества мирян идти с иконами крестным ходом к Кондинскому монастырю. Четвертого февраля, как писал в своем отчете Тобольскому епархиальному комитету настоятель Кондинского монастыря иеромонах Иннокентий, собралось столько народу, что шествующие и ехавшие на лошадях растянулись более чем на полверсты...

В самом конце 19-го века Кондинский Троицкий монастырь стал приходить в упадок. Его миссионерская деятельность резко сократилась. Ставился даже вопрос о закрытии обители. Однако Синод этого не допустил, и в 1891 году было принято решение о преобразовании мужского монастыря в женский и передаче под крыло Иоанно-Вознесенского женского монастыря Тобольской епархии...

В 1892 году Кондинский монастырь был преобразован в женскую обитель. На нее была возложена и миссионерская деятельность. Церковь возглавила Анна Игнатьевна Дружинина. В штатном расписании храма значились: монахиня Апполилария Бессонова (пономарица), Августа Ивановна Хомякова (казначей), пять рядовых сестер и девять белиц. С самого первого дня поселения женщин в монастыре, при особом рдении настоятельницы, началась трудная жизнь, наполненная трудом по восстановлению монастырского хозяйства и миссионерства.

Миссионеры Кондинской обители, вовлеченные в общий поток начавшегося в России духовного возрождения, несли иноверцам не только слово Божье. Они успешно возглавили и дело просвещения, организовали даже походные передвижные школы для местных жителей. Были предприняты попытки написать учебники на родных языках северян, создать азбуку, перевести молитвы и отрывки Священного Писания...

Кондинский монастырь переживал период своего второго рождения. Однако из-за слабого знания русского языка иноверцами миссионеры испытывали большие трудности в распространении грамотности и православия среди местного населения. Да и шаманы все еще составляли большую силу в сохранении старой языческой веры, старых обычаев и обрядов. Жрецы по-прежнему пользовались большим почетом у коренных жителей Севера. Все попытки монахинь каким-то образом повлиять на шаманов были безуспешными. Но благотворительная деятельность, медицинская помощь обучение грамоте, личное общение и частые подворные обходы крепили в сознании местного населения уважительное отношение к монастырю. Со многими семьями монахини входили в тесное общение. Они приучали туземок к огородничеству. У некоторых юрт начали появляться грядки с овощами и небольшие огороды с посадками картофеля. Огородные участки постепенно "распространялись" в отдаленные селения. Они появлялись даже возле некоторых промысловых избышек рыбаков и охотников. Туземки (особенно молодые) с большим желанием общались с послушницами монастыря, которые знакомили женщин с правилами личной гигиены, учили пользоваться банями, которые также появились во многих селениях...

При каждой встрече с местными жительницами монашки вели разговоры о вере. Но на сей предмет беседы не были столь откровенными, как о делах житейских. Однако великолепие храма, само благочестивое общежитие монашек в обители, по внутреннему содержанию очень сходное с этикой и этикетом иноверцев, молебны и проповеди при блеске церковных свечей, торжественные гимны в исполнении небольшого церковного хора вселяли в души туземок благу новь православия... Главное состояло в том, что миссионеры видели большие перемены в жизни иноверцев и то благотворное влияние, которое осуществлялось благодаря женскому началу. Бывшие язычники постепенно совершали многотрудный крестный ход от суеверий к православию.

По праздникам в церквях все чаще совершались обряды крещения младенцев и венчания молодоженов... Женщины-туземки все чаще шили себе русскую одежду. В юртах появились самодельные рукомойники, тряпичные полотенца и куски мыла. На кухонных полочках рядом с берестяной и деревянной утварью размещались кружки, тарелки из фарфора и фаянса. Особым почитанием у хозяек пользовались медные самовары и чайники, которые подчеркивали достаток и семейное

благополучие. В жилищах многих селений обитательницы монастыря, объезжая приходы духовного правления, обнаруживали православные иконы с самодельными светильниками, а рядом с ними, на полочках, тоненькие книжицы, которые читали по вечерам своим родителям бывшие ученики церковно-приходских школ...

В 1907 году Кондинский монастырь отметил свое 250-летие. Он не был лаврой, но благодаря большой помощи Синода и добровольным пожертвованиям мирских соборян белокаменное здание храма считалось одним из самых красивых во всей Сибири. Великолепие церкви вызывало восторг и восхищение у всех, кто ее посещал. Обитель в миссионерских делах Тобольской епархии заняла весьма видное место.

Прошло еще десять лет. Новая власть отделила Церковь от государства. А в феврале 1922 года Совет народных комиссаров принял закон об изъятии всех церковных ценностей на "нужды голодающих".

Одиннадцатого октября 1929 года в Кондинском храме состоялась последняя церковная служба по случаю бракосочетания местной жительницы Марии Сергеевны Чупровой (она умерла в 1995 году) с потомственным монастырским крестьянином Илларионом Варфоломеевичем Калагуровым. Последнюю службу совершал священник Яков...

В феврале 1930 года Кондинский Свято-Троицкий монастырь был закрыт. Настоятельницу обители мать Серафиму увезли в Тобольск. Остальные служительницы храма были отправлены в ссылку или на поселение. Поп Яков в марте того же года был сослан в село Нахрачи... Тогда же были закрыты и все церкви Духовной управы Троицкого монастыря.

Крестный ход на Оби был насильственно прерван. Кондинский монастырь, та его часть, которая уцелела после разрушений, до сих пор стоит в развалинах - как укор прошлому, как призыв к покаянию, как зов в ожидании часа возрождения.

ВЕЛИКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ СИБИРИ

Во всей дореволюционной России ни один человек не сделан так много для духовного возрождения нерусских народов Сибири, особенно для народов Обского Севера, как Филофей Лещинский...

Великий просветитель Сибири родился на Брянщине в 1650 году. После окончания Киевской духовной академии служил священником. После смерти жены Ф. Лещинский удалился от мира суетного в Киевско-Печерскую Лавру. Затем был возведен в сан архимандрита и исполнял должность настоятеля Брянско-Свенского монастыря.

В 1702 году судьба свела Лещинского с великим реформатором России – царем Петром I. Через три месяца после Нарвского сражения, в котором были разгромлены шведские войска Карла XII, русский царь издал указ о приведении сибирских народов к христианству. В начале 1702 года Петр I в указе Березовскому воеводе просил прислать ему 3 – 4 шамана в Москву с их имуществом для ознакомления с верой инородцев. Петр был веротерпим. Он часто повторял: «Господь дал царям власть над людьми, над совестью людей властен только Христос».

Но воевода не смог найти таких шаманов, которые бы осмелились предстать перед русским царем. Тогда Петр обратился с таким же указом к Тобольскому воеводе. Однако и тот исполнить приказ был не в силах.

В 1702 году Филофей Лещинский был вызван в Москву и назначен царем и Синодом митрополитом Сибирским. 4 апреля того же года, заменив первого Тобольского архиепископа Киприяна, Лещинский вступил на Сибирскую кафедру. На высшие духовные должности он учредил пятерых своих помощников (соучеников по академии), привезенных с собой из Киева. В их числе был Григорий Ильич Новицкий бывший полковник царской армии, отстраненный от должности за связи с Мазепой и первый, кто описал введение христианства проповедником Ф. Лещинским на Обском Севере.

В истории русского государства после Киева и Новгорода Тобольск занимает третье место по своей значимости в распространении христианства. «Тобольск, – писал историк Потанин Г.Н., – это сибирский Киев, как и в Киеве, в Тобольске есть Софийский собор... Тобольск после Киева и Новгорода – третий этап в истории распространения христианства». Спустя семь столетий после крещения Руси, в начале XVIII века Филофей Лещинский произвел крещение народов Севера, став духовным пастырем жителей Югры и всех нерусских народов Сибири от Урала до Тихого океана.

Тобольская епархия становится центром миссионерской деятельности на всем Обском Севере, организатором просвещения. В начале XVIII века славяно-русские школы были открыты в Сургуте, Березове, Демьянске, Кондинске. В них велась подготовка миссионеров из детей коренного населения Севера.

Тобольская семинария в деле просвещения стала занимать ведущее место в культурной жизни Сибири. При ней была создана богатейшая для тех времен библиотека, в которой помимо книг на русском и иностранных языках хранились уникальные рукописи, в том числе и знаменитая Черепаноаская летопись. В архиерейской школе под руководством Ф. Лещинского был создан первый в Сибири театр. Этот театр продолжал свою работу и после преобразования школы в духовную семинарию.

Однако заботы просветителя Сибири Ф. Лещинского состояли не только в устройении благолепия своей епархии и ее столицы, они состояли и в исполнении глазного наказа Петра Великого – внедрении христианской веры во всей обширнейшей Сибирской епархии.

По указу Петра в июне 1712 года Ф. Лещинский отправился вниз по Иртышу и Оби к березовским хантам. Несмотря на общий низкий уровень культуры ханты и манси имели свои понятия о Высочайшем Существо, которого они называли Нуми-Торым (добрый бог – властелин Вселенной). Но, считая себя недостойными его внимания, они не утруждали его своими просьбами и молитвами. У хантов и манси были низшие боги, которые были в подчинении Нуми-Торыма – им-то и поклонялись аборигены Севера, разделяя этих духов на добрых и злых.

Пантеон добрых духов стоял чаще всего из вытесанного из дерева идола в виде человека или изваяния, выплавленного из металла изображения в виде птиц, зверей.

С величайшим чувством терпимости, благодаря долгим и трудным молитвам Филофею удалось достичь своей цели, утвердить догматы христианской веры, обращая аборигенов в православие путем крещения. Там, где удалось утвердить христианскую веру, сжигались старые кумиры, разрушались языческие капища, и в том месте ставился крест в основу храма Господнего, и на этих местах возводились православные храмы. В то же лето были крещены жители Матлыма, Кондинска, Шеркал и Чемаш. В Шеркальских юртах «...после уничтожения идолов и капищ миссионеры принялись крестить язычников. Для этого они загоняли в Обь людей и совершали обряд крещения. Окрещенному надевали крест на шею оловянный, выдавали рубаху, порты, а также другие подарки».

В Кондинске в 1656 году был основан монастырь для новоокрещенных аборигенов Севера, принявших добровольно христианскую веру. Однако православие коснулось в этом крае только русских имен при крещении, а в быту ханты по-прежнему исповедовали шаманизм. При Ф. Лещинском настоятелем церкви в Кондинске был иеромонах Зиновий. При прибытии сюда Лещинского был крещен князек Алычев с семьей и много других жителей села. Затем приняли новую религию жители Березова. Историк краевед Абрамов Н. А. в прошлом веке так описывает это событие: «В сентябре 1712 года отдаленный Березов в первый раз встретил архиерея, который

здесь увидел толпы инородцев, заранее собранных к услышанию проповеди и принятию святого крещения. Река Сосьва делалась купелью множества остяков и людей обдорского князька Тайшина. Филофей оставил после крещения одного из бывших с ним священников для распространения и утверждения христианства, сам же возвратился в Тюмень, на пути поучая новых христиан новой вере, и правилам благочестивой жизни».

Крушение лесных духов (масло, холст)

В 1714 году Ф. Лещинский снова прибыл в Березово и здесь обратил в новую веру хантов Ляпинской, Куноватской и Обдорской волостей вместе с их князьками Матвеем Шешкиным, Игорем Даниловым, Дмитрием Ювориным. В этом году Лещинским были заложены: в Белогорских юртах Святотроицкая церковь, Духосошестввенская церковь – в Сухоруково, Спасская – в Шеркалах, были заложены храмы в Чемашах, Казыме, Ляпине и в селе Сосьвинском. Последняя не сохранилась, так как была сожжена хантами. Все церкви Березовского края были устроены на деньги правительства и пожертвования сибирского губернатора М.П. Гагарина.

Большим противником принятия христианства выступил вогульский князек Сатыга. Он организовал жителей берегов Конды (с помощью татар, живущих в этом крае) совершить покушение на Филофея, но однако все обошлось без кровопролития, а организаторов заговора Филофей простил и спас их от смертной казни.

В 1715 году Ф. Лещинский снова прибыл в кондинский край. Столицей Кондинского княжества была Сатыга. Здесь жили вогульские князьки, с давних пор в этих местах хранился могучий шайтан Урман-Хум («Лесной царь»). Могуч он был и силен в гневе. Далеко гремело его страшное имя, и предания старины глубокой проходили в надменном величии через хаос прошлых веков.

Князь Сатыга собрал 600 вооруженных манси и под предводительством татар готовился убить Ф. Лещинского. Однако Филофей, презрев страх смерти, после долгих стараний окрестил кондинских майси, в том числе и князька Сатыгу. Надсмотрщиком за исполнением догматов православия им был назначен бывший полковник Новицкий Григорий Ильич, первый, кто описал подробно крещение народов Обского Севера. Он вскоре был убит одним из шаманов.

С целью укрепления христианской веры на северных просторах епархии Ф. Лещинский с согласия родителей брал одаренных детей ханты, манси и ненцев в приходские школы, обучал их в Тобольской архиерейской школе русской грамоте, катехизису (основа православия), нотной грамоте, затем определял их в инородческие приходы, переводил в священников.

В 1720 году митрополит Лещинский испросил у царя увольнения по слабости и старости. Чуждый честолюбия и корысти, он был награжден Петром I грамотой от 15 сентября 1720 года «За достохвальные труды в проповеди Слова Божьего». Петр объявил ему благодарность за его великий труд, назначил пенсию в 200 рублей в год. Уже после смерти Ф. Лещинского, в 1727 году, его преемник – Тобольский митрополит Антоний доводил до сведения Святейшего Синода, что его предшественник митрополит Филофей обратил в христианство 40 тысяч иноверцев и построил на Севере 37 церквей.

Принятие христианства народами Севера имело для них прогрессивное значение. Правда, православие у них не стало господствующей идеологией и до начала XX века оставалось в форме религиозного синкретизма (смешение языческой веры с христианской). Но отдельные элементы православного учения и его культа проникли в сознание и быт северян, смешались с их древними верованиями. В стихийно - коммунистические традиции аборигенов Севера христианская религия внедряла общечеловеческие нормы морали, святость и вселенскую ценность нравственных идеалов. В духовном арсенале хантов, манси и ненцев проявились новые религиозные взгляды, новые нормы поведения, некоторые нормы личной гигиены.

Религия аборигенов Севера обогатилась учениями православного писания, которые они усваивали от миссионеров. В жилища кочевников-оленеводов и охотников стали проникать русские иконы (особенно почитаема была икона Николая Чудотворца), они стали новой частью приклада в пантеоне добрых духов. Камлания шаманов стали украшаться элементами и атрибутами, заимствованными у христианской церкви.

31 мая 1727 года на 74 год У.Ф. Лещинский умер в Тюмени. Тело митрополита Тобольского, по его завещанию, было похоронено против западных ворот Тюменского монастыря. «Похороните меня, – просил он перед смертью, – вне церкви, на пути, чтобы мимоходящие попирали ногами мой прах».

ГЛУБОКОЙ СТАРИНЫ ЗАВЕТНЫЕ ПРЕДАНИЯ

«Таков удел деяний прошлых лет:
Когда гремит и летопись безмолвны,
простая песнь их сохраняет след». Байрон.

Древний фольклор народностей Обского Севера исследован крайне слабо. Имеющаяся литература по этому вопросу находится за пределами России. Много былин, сказаний, преданий записано было венгром Регули, а остяцкий (хантыйский) эпос был исследован профессором Гельсингфорского университета Алквистом. Им же была написана первая хрестоматия для хантыйского языка. Однако в русском переводе до сих пор эти работы не опубликованы.

Патриарх сибирской истории русский исследователь Миллер Г.Ф. в XVIII веке после посещения Обского Севера писал, что у северных народов он не обнаружил «ни науки, ни искусства». Вслед за ним многие исследователи севера, с легкой руки Миллера Г.Ф., стали последователями такой точки зрения: Новицкий Г.И., Фишер И.Э., также Екатерина II, которая тоже написала свою повесть «Антидот», подержала доводы этих ученых.

Совершенно по-иному относились к духовным ценностям участники академических экспедиций Паллас П.С., Зуев В.Ф., Лепехин И.И., Георги И.Г. Эти ученые составили то течение сибиреведов, которые, глубоко изучив духовную культуру народов Югры, составили демократическое направление этнографической науке о сибирских народах.

Следует, однако, признать, что после введения христианства на Обском Севере, после внедрения здесь торговых отношений начались процессы обнищания, насильственной и ненасильственной русификации, которым предшествовало татаро-монгольское иго, и эти процессы в духовной культуре аборигенов Обского Севера положили начало неизбежным деформациям, которые затронули, прежде всего, манси, хантов и ненцев.

Причину упадка культуры, искусства народного творчества этих народов надо искать в глубинных процессах истории которые, начиная с засиления татаро-монгол, в затем русского колониализма, раскрывают целую эпоху ограбления этого края, унижения истинных хозяев этих богатств, надругательства и оскорбления их духовных ценностей, что вело и к материальному, и нравственному обнищанию народов древней Югры.

Цивилизация коснулась первобытных охотников и кочевых оленеводов прежде всего своими порочными сторонами. Об этом в одной из вогульских песен отмечалось:

Медвежий праздник (масло, холст)

Манси – вольные вогулы
Полюбили сули-водку.
И за пазухою носят
На охоту и рыбалку
Флягу с огненным настоем,
С жидким пламенем бутылку.

Известный сибирский исследователь Шашков С.С. по этому поводу писал: «Дикое и невежественное состояние северных инородцев причиною тому, их пьянство и другие самые отвратительные пороки распространены между ними до последней крайности. Пороки укореняются, ведя за собой бедность и болезни, способствуют разорению края и уменьшению народонаселения, которое замечается ежегодно и, видимо, ведет к тому что оставленное в настоящем состоянии племя северных инородцев наконец исчезнет».

В историческом эпосе народностей манси было отражено нашествие татаро-монголов. Это единственный не документальный источник, который дает основание полагать, что народы древней Югры в далеком прошлом, как и русские люди, были под игом монгольских захватчиков. Об этом трагическом этапе своей истории манси пели:

Кровь, как спелая брусника,
В чаще кедровой краснела,
И у берега, где раньше
В лодках манси приставали, –
Остроносые карбасы
С парусами посередке
С них полным-полно сложили
Победители добычу
Вниз – домашний скарб, пушнину,
Сверху – девушек и женщин.
Крепко связанных за косы,
Крепко связанных по двое,
На свои челны сажали.
Как желна в тайге зеленой,
Скорбь тревожная металась,
И как зверь, и в глушь, и в чащу
Дети, женщины и старцы
В тихом плаче уползали.

Обращение бедных манси к всевышним силам пронизывает всю мифологию устного творчества. Манси с горечью отмечают, что все их добрые духи оказались неспособными оградить их от унижения, обид и кабалы:

Мы терпели, мы молились
Злым и добрым духам неба,
И не раз через шаманов
Мы к тебе, Торум, зывали,
Но напрасно это было.
Духи жертвы наши брали,
Как купец, долги по биркам,
И ничем не помогали.
Наши боги вместе с Торумом

Обманули бедных манси,
Наши боги вместе с Нумом
Пред лицом судеб народа
Оказались бессильны.

В XV веке народы манси первыми приняли на себя удар новых пришельцев, теперь уже русских соседей. Об этом повествуют многие сказания, предания и песни:

В тот тяжелый год несчастный
Из-за гор, покрытых лесом,
Словно вешние потоки
Войско русских приближалось.
Храбро выступили манси
Против ружей со стрелами,
Против крепкого железа –
С деревянными шестами...

Сначала манси думали, что победа близка, но шаман, который служил духу Мейке, подкупленный русскими (повествует одно из преданий), вынул чудесные очи бога Мейке, которые были сделаны из драгоценных камней, имевших чудесные свойства принимать днем зеленый цвет, как цвет тайги, когда она в своем наряде, и красный цвет «блеска кровавого заката» – ночью:

Ослепленный ойка Мейке
Не настиг шамана русских,
Потому что был им спрятан
В царство теней
Нуми-Торум всемогущий.

Так с приходом русских людей на вогульском Олимпе поссорились главные боги Югры. За укрывательство похитителя Мейке стал мстить Нуми-Торуму и указывал тайные тропы русским воинам, которые, благодаря предательству, победили вогулов.

Торум был верховным существом вогульской мифологии. Он, по преданиям, создал Вселенную и после ее создания удалился на небо и до сих пор не принимает в людских делах никакого участия, управляя миром через своих подчиненных ему богов. Одним из них был бог Мейке. Приход русских знаменует собой смерть или уход богов из тайги и тундры. Манси остались предоставленными сами себе. Это и побудило аборигенов Севера принять нового бога Иисуса Христа. В течение XVIII века народы Обского Севера приняли православную веру.

В древнем эпосе народов Югры отражен период, в котором казаки Ермака Тимофеевича разгромили татаро-монгольские орды, показаны все те жертвы, которые понесли в этой борьбе народы древней Югры:

Приняла Югра с боями
Русских воинов в кольчугах
И с большими топорами,
Страшных, словно привиденья,
И как будто тоже красных
В красном пламени пожаров.
Окружив паул стрелами,
Припадая на колени,
Руси воины стреляли
Из пищалей длинноствольных.
Словно белки от пожара,
Что бегут, как вихрь, по веткам.
Одиночками вогулы
В смертном страхе разбегались...

Неудивительно, что в XVII веке, в годы царствования Федора Ивановича, Сибирь давала одну треть всех доходов России. Правда, в одном из царских указов, посланном Пелымскому князьку Траханиотову, в 1601 году была предпринята попытка определить норму ясака с инородцев по 10 соболей, а с женатого – по 5 соболей. В том же указе отмечалось, что служилые люди «корысти себе ни в чем не имели». Но эти указы, безусловно, оказались мертвой буквой, а положение угнетенного народа оставалось прежним.

Именно в эту печальную пору, в годы покорения русскими народов Югры сложился тот самый таинственный, самый возвышенный эпос – эпос вогульского народа, который столь восторженно передали, как крупицу мировой человеческой цивилизации, замечательные русские поэты 20-х годов XX века М. А. Плотников и С. А. Клычков. Они очень хотели, чтобы эпос вогульского народа, открывающий таинственный мир старины глубокой, не умер в стенах берестяных чумов и дымных юрт, таежных паулов, а стал достоянием общечеловеческой культуры.

Автор данного очерка ставит цель приоткрыть давно закрытую и запрещенную нашей цензурой страницу героического эпоса, старинных преданий народов Югры, которые по достоинству сегодня могут встать в один ряд с «Песней о Гайвате», индейцев Северной Америки, с якутским классическим эпосом «Олонхо» и бессмертной карельской сагой «Калевалой».

Особенно богат героический эпос манси. Во многих сказаниях этого народа раскрыты исторические факты борьбы за свою свободу.

Ты послушай дальше повесть,
Повесть грустную о манси:
Рус пришел с огнем пушканов,
Топором и зельем смерти,
Он пришел, с попом-пронырой.
Рус-бояр сжигал паулы.
Поп крестил водой вогулов...
В красном пламени пожаров
Люди русские, как тени,
Окружив паул, стреляли
Зельем бесовским из ружей.
Словно белки от пожара,
В страхе смертном убегали.
Наши бедные вогулы...
Пни чернели в кучах пепла,
Груды тел валялись всюду,
Кровь, как спелая брусника,
Заливала землю дедов.

Только в XVII веке манси трижды предпринимали вооруженные попытки сбросить с себя ярмо рабства и насилия. Во многих старинных песнях эти события связываются с народным героем Яны Келба, который, как повествует легенда, поклялся на лапе медведя спасти от порабощения свой народ, призвав его к восстанию:

Голос мой, как громкий бубен,
Бил тревогу неустанно,
Призывал вогулов к битве...

На этот призыв Яны Келба отозвались все манси, и произошло одно из тех восстаний северных народов против колониальной политики русского царизма, которым пестрит вся история Сибири с начала XVII столетия.

В одной из легенд рассказывалось, что манси под руководством Яны Келба осадили русский острожек («вож» – городок), но взять его сразу они не смогли. Десять раз мансийское войско ходило на штурм русской «крепости». Наступавшие уже потеряли надежды на победу, но предводитель восстания Яны Келба где-то добыл талисман и с его помощью перебил русскую дружину. Вогулы на этот раз победили, но ровно через год:

...Прибыл с новой дружиной
Воевода, князь Дадыка,
С ним пришел с крестом и книгой
И отец-монах пузатый.
Началась тут месть за город...

Вогульская сага о Яны. Келба, о борце за свободу вогульского народа была весьма почитаемой, и эту легенду можно считать самостоятельным, эпическим произведением нового народного эпоса, начало которому положила русская колонизация на Обском Севере Многолетняя борьба мансийского народа за свое освобождение окончилась полной победой колонизаторов, которые установили здесь свои порядки.

Об этом в своих песнях манси пели:

На песках до речки Щучьей,
Что в губу течет далеко,
Люди русские засели.
Взяли рыбу, нашу рыбу,
Толстяки-купцы с Тобола.
Нам оставили лишь кости,
Чешую нам подарили.
Мы теперь для русских гости,
Должники мы их навеки,
Их работники до смерти.

В былинах, песнях и сказаниях отразилась не только эпоха борьбы народов Югры с русскими колонизаторами В них были показаны те глубокие социально-экономические изменения, которые привели к деградации быта аборигенов.

Мы теперь ведь не вогулы,
Разве нас узнает ойка,
Старый ойка, древний ойка,
Если б встал он из колоды
И пришел бы этой ночью
К нам сюда неторопливо,
Он спросил бы: «Что за чашки
Вы на головы надели,
Кто вам сшил рубахи ваши?
Разве бабы позабыли
Шить вогульские узоры:

Ханды-ханць – тетеревиный,
Кирэнь-ханць – узор немудрый
И узор другой старинный
Можно в сутки вышить пару
Савэн-ханць мы позабыли,
Где мы с гусем и медведем
Осетров изображали.

Старинные песни манси, их сказания, предания с тонким юмором передавали те изменения в национальном искусстве, которые вели не только к потере своей самобытности, но и тонко высмеивали пагубные воздействия пришедшей цивилизации.

Мы теперь ведь не вогулы,
Что ты знаешь, замогильный?
В нашей жизни перемена,
Мы теперь не понимаем
Многих слов из торнинг-ери,
Песен старых, позабытых.
Мы теперь уж не городим
На увалах вокруг паулов
Частоколы из деревьев –
Син-тан-вож их называли,
Мы теперь свинцовой пулей
Из железного пищаля
Бьем и соболя, и белку,
И лисицу, и медведя.
Водку пьем с печатью царской,
Носим плис, кумач и ситец
И играем на гармошке.
Пляшем мы теперь по-русски
И не топчемся на месте,
Как то делала, токуя,
Птица глупая тетеря.

Как и во всей мировой культуре, в философии искусства народов древней Югры были заложены два противоположных начала, два взгляда на будущие судьбы народов. Одна из самых примечательных черт философии искусства народов Югры – это жизненный оптимизм, связанный с верой в благородство своего высшего существа Торума, а позднее в Христа. Манси в древних преданиях и более поздних

своих песнях и былинах верили в свою лучшую судьбу, возлагая надежды на могущество богатырей и своих пророков – шаманов. Лесные кудесники, призывая добрых духов, вселяли в народ веру и надежду:

Не печальтесь, не горюйте,
Знаю песню я иную,
Песню радости великой.
Пусть откроет каждый сердца,
Пусть откроет каждый душу
И прислушается к песне,
Все в прошедшем, все в грядущем,
Все приходит – умирает
И рождается в новом свете.
Царство вечного Торума –
Это песня и загадка.
Кто откроет смысл великий.
Полный вечного значенья,
Кто исполнит слово в слово
Все слова загадки-песни,
Тот спасет народ забытый...

В противоположность такому оптимистическому пафосу в старинных преданиях, в песнях и былинах народы Югры, испытывая на себе всю тяжесть своего положения, приходили в отчаяние, и этот факт обреченности отражен в другой, противоположной, философии искусства:

Мы уйдем, покинем землю,
Наших рек мы не увидим.
Наши лодки, как могилы,
На песках сгниют тоскливо.
Наши нарты без оленей
Зарастут травой зеленой,
И в паулах опустелых
Будут жить одни лишь мыши.
Черной птицей, птицей смерти
Пролетела эта песня
И запала в сердце манси,
В сердце робкого вогула,
Как великое проклятье
Дней прошедших, дней грядущих...

ЛЕТОПИСЕЦ ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛИ

Более тридцати лет тому назад Новомир Борисович Патрикеев, работавший в те годы на Ямале (родился он в Салехарде), подарил мне свои первые книжки: «Юность Ямала», «Рассвет над Ямалом», «Нас водила молодость». Еще до этого в печати (начиная с 1956 года) появились его первые заметки о природе и охоте. В них сразу же проявился дар незаурядного фенолога, орнитолога и неординарного журналиста. Уже во второй половине 60-х годов в литературных и научных кругах Западной Сибири он становится известным как историк-краевед и исследователь.

Оппоненты Платона. Третья часть триптиха «Разум и вера», 1988 (масло, холст)

Личное наше знакомство началось с 1970 года в Тобольске, где проходила научная конференция, посвященная 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Познакомили нас известные, уже в то время, ученые-сибироведы М.Е. Бударин и Ю.П. Прибыльский. С тех пор мы часто встречались на зональных и всероссийских научных конференциях, которые проходили в разных городах Западной Сибири. Наше знакомство переросло в дружбу, которую мы сохранили до наших дней.

Под научным руководством профессора Омского педагогического института М.Е. Бударин (ныне член-корреспондент Академии высшей школы), будучи его аспирантами, мы написали диссертации по собственным темам, отражавшим разные аспекты истории Обского Севера. Хотя по различным причинам нас обошла официальная «защита», но материалы своих исследований мы полностью опубликовали в научных сборниках и журналах.

За прошедшие 30 лет Новомир Борисович написал около 200 книжно-журнальных и более 1000 газетных публикаций о природе, охоте, о родном крае. Он стал мастером краеведческих и охотничьих очерков. Его удивительная работоспособность, огромный диапазон разносторонних знаний, талант в описании научных гипотез в их свободном или литературном изложении принесли ему заслуженные награды и широкую признательность читателей.

Недавно я получил в качестве дара шесть его книг, опубликованных в последние три года. В их числе охотничьи – «Планета любви», «Болотно-луговая охота со спаниелем» и прекрасно оформленная – «30 лет со спаниелем» (Тюмень. Издательство «Вектор Бук», 1998. – 184 с.) В журнале «Югра» появились первые отзывы на это поистине талантливое произведение нашего земляка – академика, члена Союза писателей Н.Б. Патрикеева. Сергей Фокин, кандидат биологических наук, член редакционного совета «Российской охотничьей газеты» и историко-литературного Юнеско – клуба «Кречет» дал очень высокую оценку всем трем книгам, в которых так убедительно раскрыто философское осмысление взаимоотношения природы и человека.

Но это не дежурная тема писателя, она не конъюнктурна и не озабочена модами времени, она перерастает политические, экономические, географические и временные рамки. Эта книга не только востребована нашей современной жизнью и экологическим кризисом, она имеет классическое значение, потому что побуждает человека к поиску вечных истин. Все, кто прочтет «30 лет со спаниелем» и особенно последнюю ее главу «Высший смысл», убедится в истинности той оценки, которую ученый и литератор Сергей Фокин дал книге в целом, причислив ее к русской охотничьей классике. В конце своей статьи он благодарит автора «за новый подарок охотникам, всем любителям природы и читателям».

Мною прочитано все, что написано Н.Б. Патрикеевым за последние 35 лет и, будучи его давнишним почитателем и свидетелем его творческого восхождения, имею полное основание присоединиться к мнению ученого С.Фокина. Мне остается добавить только одно: книга «30 лет со спаниелем» – это прекрасная, талантливая книга. Думаю, что она не только станет настольной для охотников и любителей природы, но и для краеведов, в какой бы области они ни были специалистами.

Наверное, все охотники-любители, прочитав эту книгу, не станут возражать, если я назову ее (мой стаж охотника-любителя составляет около 60 лет) непревзойденной первой охотничьей энциклопедией Обского Севера. И значение книги не только в этом. Она является воплощением философско-нравственных заповедей, для всех тех, кто общается с природой, кто озабочен сохранением окружающей среды и нравственным очищением души человека.

Книга «30 лет со спаниелем» – настоящий учебник общения с природой. Она раскрывает путь восхождения на нравственный Олимп, в котором заключена философия и святость общения, бережного отношения к матери-природе. Об этом же убедительно повествуют и «Планета любви», и глава «Охраняемые птицы Обь-Иртышья» из книги «Болотно-луговая охота со спаниелем». Только в таком постижении прекрасного формируется душа охотника, его святое почитание природы, а «до охотничьей души, – как говорил Г.П. Данилевский, – надо дослужиться у Бога. Природа – это тот храм, в котором человек познает всю философию и святость мироздания».

Н.Б. Патрикеев всю свою жизнь провел в тесном общении с природой. Это наложило на его характер свой благородный отпечаток. Г.Н. Потанин писал, что кто долго живет в одной местности, на него природа переносит свой образ. Именно поэтому Новомир Борисович человек обстоятельный, честный, общительный, с тонким юмором, с душой поэта, философа и музыканта.

Следуя традициям классической охотничьей литературы, писатель в книге «30 лет со спаниелем» начинает свое повествование с охоты на бекасов, самой красивой болотной птицы. Кстати сказать, на Обском Севере Н.Б. Патрикеев был первым и единственным охотником, положившим начало охоты на «красную дичь», он же был одним из первых, начавших такую охоту в нашем крае со спаниелем.

Как-то зашел у нас разговор с Новомиром Борисовичем о необходимости охоты с собакой на пернатую дичь в осеннюю пору. Он спросил меня:

«Скажи откровенно, сколько за одну охоту ты теряешь подранков?» Я был ошеломлен. Ведь на самом деле, все, кто охотится без собаки (особенно любители пострелять «влет»), теряют примерно 50-70 процентов дичи. В данном случае было безнравственно доказывать, что «в охоте важен не результат, а ее процесс».

Новомир Борисович охотником стал с детства. Когда он начал работать, то каждый свой отпуск делил пополам: охотился весной и осенью и непременно с благороднейшим спаниелем. Однажды он познакомил меня с его любимицей Джойкой. Это было поистине изумительное создание, с невероятным талантом утятницы.

Однако не охотничьи трофеи прельщали писателя. Охота на «красную дичь» была и остается его страстью, но главная цель, главная страсть его – это любовь и общение с природой. Об этом лучше сказать его словами:

– Книгу писал на даче в отпуске, и каждый выход на луга начинался и завершался неспешной прогулкой по пихтово-кедровой тайге.

И еще одно признание писателя хотелось бы привести, которое выявляет в нем исследователя, художника, а не промысловика:

– Такая живописная оказалась «курочка» (болотная – Г.Т.), что я вышел на сухое место, расположился на бревне-плавнике и занялся измерениями и описанием ее оперения.

Мне припомнился случай, когда я потратил много времени, желая написать натюрморт битой птицы по памяти. Хотя был охотником за утками с детства, но написать такую картину не смог. Тогда решил в поле, у друзей после удачной охоты, подобрать нужных мне птиц и за один сеанс написал неплохой этюд с натуры, который храню до сих пор. Именно та заповедь: «пиши то, что видишь» и глубокие знания литературы при постоянном общении с природой дают Новомиру Борисовичу возможность так ярко писать о явлениях природы, о птицах и растениях нашего края. Именно поэтому в самих названиях птиц писатель иногда приводит не только русские, народные, но и чужестранные названия. Так, описывая вальдшнепа, он использовал 28 названий, включая популярные и научно-литературные термины.

«...Как биолог, хочу отметить, – пишет кандидат биологических наук С. Фокин – высокую степень грамотности автора в описании птиц, животного и растительного мира, – он полностью избежал ошибок». Настолько же профессионально выполнены цветные обложка, титульный лист и иллюстрации известным московским художником и охотоведом Владимиром Романовым. В книге «30 лет со спаниелем» писателем раскрыто высокое чувство единения с природой, сопричастность его философско-поэтической, полной музыкального звучания живой природы, к своей «Планете любви» и «Высшему смыслу». Будучи на природе, Новомир Борисович не просто любит ее – он, как дирижер оркестра, распознает отдельные голоса птиц, он слышит, как звучит «задумчивая мечтательная песнь дрозда, которую слушает вся притихшая природа», он восхищается предзакатным финальным концертом дроздов, который «поражает мощью и полифоничностью».

Но одно дело слышать – другое дело написать так, чтобы это слышал читатель. Н.Б. Патрикеев описывает пение птиц так, что мы слышим и солиста дрозда, и концерт дроздов, и чарующую мелодию наших лесов и лугов. За каждой фразой «слышится» обожание автором музыки. Сам он об этом часто говорит:

– Если книга, то она должна быть обязательно поэтическая. Если музыка, то не просто звуки, а фантастическое переплетение бесчисленных оттенков семи нот и семи цветов радуги. Цвет и свет порождают музыкальные ассоциации. Вы можете слышать самую волшебную мелодию, рожденную игрой света и тени, многоцветием красок. Этот сказочный мир красоты обязательно вызовет поэтические чувства, и вы начнете размышлять и через красоту природы постигать ее вечность и очистительную силу. Именно в этом прелесть, сила и бессмертие классики.

О поэтической и философской сущности природы писателя сами за себя говорят имена его любимых поэтов Д. Виленского, А.К. Толстого, Ф.И. Тютчева и А.А. Фета. Он часто вспоминает строки стихов этих поэтов, которые «питают» его книги.

В произведениях Н.Б. Патрикеева заложена подлинная красота русского языка, его точность, ясность, образность и музыкальность. Все это так убедительно, так ярко передает не только очарование картин природы, их живописность, но и глубину идей автора в поисках вечной истины. Это то самое главное, что определяет классика.

С какой силой образности, красоты и великолепия языка рисует Н.Б. Патрикеев картины нашей природы: «... В сумерках на западе возникла волшебная небесная картина. На фоне последних синих облаков, уходящих за горизонт, золотыми нитями заиграли в лучах заката тончайшие паутинки, прикрепленные пауками-летчиками к верхушкам таловых кустов. Синева, одновременно густая и светящаяся тонким переплетом узоров, словно на дорогом фарфоре, так и просит золотую каемочку. И она появляется в виде полосы зари».

Так может написать только классик. Такое живописание под силу только большому мастеру, язык которого созвучен с творениями И.С. Тургенева, А.И. Куприна, М.М. Пришвина.

В описании любого времени года, любого времени суток чувствуется большой мастер-художник и его причастность к творениям русских классиков: «...Наутро природа порадовала поздним, но красивым рассветом. Сначала обозначилась узкая серая полоска нарождающейся зари. Постепенно, расширяясь и удлиняясь по дуге, она становилась светло-серой, серебряной с матовым платиновым блеском и, наконец, нежно-голубой. Неожиданно низ ее засветился, позолоченная бирюза восхода разлилась на четверть небосвода. И выплыв из-за края земли, вспыхнуло большое малиновое солнце».

Так же талантливо и живописно рисует писатель картину поздней осени: «...Поздне-осенние краски поймы светятся нежной и гордой печалью. Луговые берега отливают новым оттенком тусклого охристого золота. Вода – тяжелая, маслянисто-фиолетовая, похожая на ртуть или расплавленное серебро. Прозрачны поредевшие травы, безлистные пойменные заросли ивняка, лесные распадки, поросшие ольхой и березой. Прозрачно вечернее бледно-голубое небо, переходящее постепенно в зеленовато-розовую полосу зари. Размытый темно-синий берег и слегка светящаяся река – словно написаны легкой акварелью».

В произведениях писателя в талантливом отображении прекрасной «планеты любви» звучит проникновенно, как точно настроенный музыкальный аккорд, его «высший смысл» – идея всех его книг. Она проста и вечна и выражена через красоту и вечность: «... заискрятся росинки, заблестят озера и старицы, засверкают цветы на зеленом травяном ковре, и здесь, на изумрудно-золотых пойменных просторах., вы наиболее полно ощутите гармонию всего живого и неживого на Земле, человеческое единство с ним».

Произведения Н.Б.Патрикеева замыкают творения И.С. Тургенева, С.Т. Аксакова, М.М. Пришвина на явлении миру земли югорской. Его книги – это огромный вклад в литературу не только региональную, не только общенациональную, они поставили имя писателя в один ряд с классиками русской охотничьей литературы.

СИБИРСКИЙ ШАМАНИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

Крещение киевлян в 988 году положило начало утверждению христианства во всей земле русской. Это величайшее событие принесло на Русь самую высокую по тем временам византийскую образованность, культуру и искусство, павшие на добрую почву славянского гения и давшие свой плод в исторической жизни народа. Православие способствовало спасению славянского мира, укрепляло духовный расцвет Древнерусского государства.

В XII веке православная церковь осталась единственной носителем идеи русского народа, противодействовала центробежным устремлениям и междоусобицам князей. В церкви родилась русская национальная культура, она стояла у истоков русского национального самосознания, освященная религиозными идеями, уходящими своими корнями в славянскую языческую первобытность.

Мировоззренческое содержание языческих и христианских верований совпадало с верой в святых духов, сверхъестественные силы, бессмертие души, без которой кратковременная жизнь человека не имела бы смысла. Эти совпадения не только объединяли славянское язычество с христианством, они в полной мере соответствовали всей системе натурфилософии сибирского шаманства.

Трудно уловить хронологические рамки начала перехода аборигенов Севера от многобожия к единому верховному богу, но мифология о высшем божестве народов Югры Нуми-Торуме, подобном славянским богам Роду, Перуну, египетскому Осирису, о Миснэ – царице небесной, прародительнице мира, убеждает в том, что сближение идей сибирского шаманства с христианством насчитывает многие сотни лет.

Первый этап сближения сибирского шаманизма с христианством следует, видимо, отнести к тому периоду, когда начало формироваться русское государство, стремившееся не только к экономическому, но и политическому и идеологическому единству. Уже тогда становилось очевидным, что при сближении двух религий должна произойти замена шаманства иными формами религии, которые помогали бы объединить иноверцев и славян в нечто целое через новую религию.

Мировоззренческие основы христианства во многом совпадали с шаманской идеологией, выявляя единство в представлениях о бессмертии души, о второй жизни после смерти, о загробном мире и т. д. Христианство, медленно проникая к сибирским народам с момента вхождения Обского Севера и вотчины Новгородской земли, не вызывало сопротивления ему.

Медленное сближение двух религий охватывает собой весь период истории народов Обского Севера вплоть до присоединения Сибири к России. Великий сибирский историк и ученый С.У. Ремезов отмечал, что христианство проникало к вогулам и остякам задолго до покорения Ермаком Сибири. (Ремезов С.У. Историческая книга Сибири. М., 1701 г.)

В XVI веке русское правительство после присоединения Сибири по просьбе угорских князей образовало на Обском Севере два крупных района: Обдорию и Кондию. С этого момента началось бурное освоение восточных земель, опорным пунктом стал Верхотуринский острог, возникший в 1590 году на том месте, где в давние времена стояла вогульская-крепость. Годом раньше вогулы Пелымского княжества и Большой Конды начали платить ясак Тобольску, обретая прочные экономические и культурные связи с ним.

В XVII веке, в самом его начале, происходит официальное признание христианства народами Севера там, где они близко соприкасались с русским населением. В Есиповской летописи отмечалось, что многие «...увидевши христианскую веру, крестятся и от неверия отпадают».

К этому времени относится принятие христианства кодскими князьями Алачевыми, которые просили царя «устроить в Кодеком городке божий храм». В XVII веке в Сибири было 30 храмов, 12 монастырей, в том числе Кондинский Троицкий монастырь. Есиповские летописи отмечали, что «...еще древле Сибирская земля идоложертвием помрачися, ныне же благочестием сияет». Летописи тех лет свидетельствуют и о том, что народы земли Сибирской, познавшие суть христианства, добровольно принимали новую веру: «Избра Бог ни от славных мужей (ни от царских), ни от повеления воевод».

Означенные процессы у народов Обского Севера позволяют говорить о том, что христианство, вытесняя язычество, формировало у иноверцев религиозное двоеверие. Прав был русский философ В.С. Соловьев, когда писал, что «средневековое мировоззрение и связанный с ним строй жизни, как на Западе, так и на Востоке, представляет собой исторический компромисс между христианством и язычеством и имеет характер двоеверия или полуверия». Подобный процесс шел на всей Территории Сибири.

В XVII веке на Обском Севере стали распространяться христианские легенды, предания и мифы. Еще в первой четверти XVII века в Тобольске в службах сибирского архиепископа появились специальные мастерские, которые изготовляли и распространяли на Обском Севере православные иконы, символику, лики святых и картины библейской истории.

В начале XVIII века после христианизации Югры в самых отдаленных юртах хантов, манси, ненцев, коми и селькупов имелись православные иконы, среди которых особенной популярностью пользовались иконы Николая Чудотворца. Профессор П.Н. Буцинский писал, что уже через 50 лет после завоевания Сибири Ермаком «мы встречаем христиан между сибирскими народами везде, где только утвердилось русское владычество. О добровольном принятии христианства писал В.К. Андриевич, который исследовал в XIX веке историю Сибири с древнейших времен до установления главенства Тобольска на Обском Севере и в Сибири. После крещения Югры, начало которому было положено митрополитом Филофеем Лещинским, государство и церковь объединили свои силы для культурного преобразования жизни и быта народов Сибири. Так, в царском указе от 1 сентября 1740 года отмечалось:»...чтобы новокрещенные с русскими брачались и через то сватовство и дружбу меж собой возобновляли, а наипаче для того, что, имея в доме своем зятя или невестку русских, таких дел, которые христианскому закону противны, в домах своих чинить опасаться будут и прежнее свое заблуждение до времени покидать и забывать станут».

Краевед Обского Севера прошлого века Н.А. Абрамов писал, что христианство без всяких насильственных мер, единственным путем убеждения начало проникать в мрачные страны Севера. Его современник А.И. Сулоцкий отмечал: «Я не встречал даже намека на то, чтобы сибирские иноверцы крещены были насильно». Об этом писал В.Павловский, автор книги «Вогулы», и многие другие.

Христианизация на Обском Севере ставила задачу вывести его народы из заблуждений и суеверий, из угнетающей их кабалы языческой магии, приобщить с помощью просвещения к православной церкви, к усвоению духовных ценностей Запада и Востока.

Однако шаманы стремились сохранить свои ритуальные традиции, и эта внутренняя борьба двух религий была закономерной. Но шаманство не могло противиться православию, которое, как часть мер русского государства, вело к приобщению народов Югры к русской культуре, к укреплению связей с Россией. Шаманы видели, что их соплеменники свыклись с верой в Христа и понимали, что православная церковь несет в себе огромные силы в совершенствовании души человека. Процесс слияния христианской веры с шаманизмом стал исторической необходимостью. Элементы слияния православных верований с некоторыми традиционными обрядами шаманства положили начало возникновению религиозного двоеверия. Такие процессы в XVIII-XIX веках происходили не только у народов Югры, но и большинства народов всей Сибири. «В шаманстве нганасан, – отмечала Г.Н. Грачева, – отражается вся система мировоззрения. В то же время нельзя не отметить, что оно впитало в себя и некоторые образы христианского пантеона».

Поколение одновременно языческим и христианским богам отмечали Н.А. Алексеев, И.С. Вдовин, И.С. Гурвич, В.П. Дьяконова, Л.П. Потвпова и др.

Известный исследователь Обского Севера А.А. Дунин-Горкавич писал, что «христианство, не проникнув глубоко в сознание остяков, смешалось с языческими верованиями, в результате чего явились новые религиозные взгляды, представляющие из себя смесь христианства с язычеством с преобладанием последнего». Отмечая причины этого, ученый делает выводы, что «казымцы Полноватского прихода из-за его удаленности вынуждены ездить в Матлымский приход, и незнание богослужебного языка слабо сближает их с церковью». Исследуя процессы сближения христианства с шаманизмом, В.Н. Басилов подчеркивал: «Среди эвенков православие, начиная с XVIII века, утвердилось на равных правах с прежними верованиями и культом...»

Христианские обряды мирно уживались с обрядами жертвоприношений. «Когда, например, ханты или манси выходили на охоту или рыбалку, – писал Дунин-Горкавич, – кто не сделает приклада Ван-Ики, тот грешен перед богом».

В Тобольской губернии в середине XIX века насчитывалось на Обском Севере 7 тыс. вогулов и 17 тыс. хантов. По свидетельству историка С.С. Шашкова, все они были христианами. Однако он справедливо подчеркивал, что в Сибири формировалось не чистое христианство, а двоеверие.

Шаманизм и христианство – это закономерно сменяющие друг друга у народов Сибири ступени эволюционного развития человеческого духа, смены духовных ценностей, в которых религия была внутренней стороной культуры. Об этом же свидетельствовал рост православных центров в Тобольской губернии. В 1738 году в ней насчитывалось 374 церкви, в 1748 – 413, а в 1794 году – уже 623.

С 1833 года для ненцев была организована кочующая церковь. В 1900 году на хантыйском языке издана «Еманч Ястона» («Священная книга»). Жизнь подтверждала, как отмечалось в одном из архивных документов, что «истинное просвещение инородческих племен и сближение их с русским народом прочнее всего может совершиться на почве религиозной».

Итак: двоеверие на всей территории Сибири в XIX веке было бесспорным фактом. Перенесение на Нуми-Торума, Миснэ, Суснэ-Хума, Корсар-Торума главных черт христианских божеств соединяло их со всеми свойствами, и функциями, отражавшими моральные и нравственные нормы, характер хозяйственной деятельности и бытового уклада жизни народов Сибири. Более того, ханты, манси и ненцы ближе воспринимали образ Иисуса Христа, чем Нуми-Торума, потому что русский Бог заботился о спасении душ своих почитателей, о земных нуждах человека и был более приближенным к реальным вещам, нежели ипостась Торума, который все заботы о людях передоверил своим помощникам – духам.

Еще ближе к верующим северянам был Николай Чудотворец, наделенный православием покровительством рыбаков и властью над водной стихией. Именно этим объясняется тот факт, что в прошлом веке почти в каждой юрте хантов и манси висели иконы Николая Чудотворца, а выход на массовый лов рыбы сопровождался молитвой шамана святому Николаю, Иисусу Христу и Пресвятой деве Марии. Одновременное упоминание при этом языческих духов сопровождалось молитвой перед православными иконами и целованием нательного креста.

Поклонение кумирам и языческим идолам слилось у народов Севера с почитанием православных икон. Языческие праздники, как и языческая символика, приобретали двойственное значение: Пасха, как воскресение Христа, совпадала с национальным праздником и ритуалом воскрешения природы, Спас совпадал с началом вонзевого лова рыбы на Оби, а в Ильин день по традиции приносили ханты и манси кровавые жертвы своим грозным божествам Корсун-Хуму и другим.

Но бог Нуми-Торум по-прежнему представлялся северянам «лучезарным, золотым и ослепительным». В его руках судьбы людей, богов, животных. Он создал Землю, опоясал ее золотым поясом, чтобы она была прочнее, превратил этот пояс в Уральские горы, вызвал потоп, сотворил людей, рыб, птиц, лесных животных, научил рыбной ловле, охоте, дал людям лодку, сети, а когда он все это сделал, удалился на небо.

Двоеверие скреплялось параллелями евангельских и шаманских «духоговорений». Как общественные, так и частные (приватные) молитвы в документах Тобольского архива, «так же просты, как и они сами...» Иногда они обращаются к Богу, иногда к нескольким богам со словами: «Даруй нам здоровье», «Дай счастливой охоты», «Даруй мне потомство», «Отгони болезнь и смерть». А.И. Сулоцкий по этому поводу писал: «Молитвы произносили всем богам вместе, и походят они на молитву Римской церкви».

Однако в системе двоеверия крещеные ханты и манси по-прежнему продолжали исповедовать старую языческую веру, но традиционные их представления под влиянием христианства сильно трансформировались. Вот почему, обобщая исследования по формированию религиозного синкретизма у народов Сибири, С.А. Токарев сделал вывод о том, что «верования, которые описывались наблюдателями в конце XIX – начале XX века, составляют продукт религиозного синкретизма шаманско-православного двоеверия».

Православная церковь, учитывая это, в начале XX века ставила определенную цель: не подвергать языческие верования резкой ломке, а постараться привести их ближе к христианству. Это решение Казанского миссионерского съезда 1911 года Священный Синод принял и добавил: «...с остатками и пережитками язычества между крещеными инородцами поступать с мудрой осмотрительностью..., а в отношении обрядов, за которыми язычники признают как бы догматическое значение или национальное, стараться предоставить им значение христианское, освящать молитвой».

Христианство не противоречило основополагающей сути шаманизма. И процессы складывания христианско-язычкского синкретизма к началу XX века были объективным историческим фактом перехода от сибирского шаманизма к православной вере. Октябрь 1917 года разорвал эти процессы, разрушив и православную веру, и сибирский шаманизм.

Можно ли теперь, в период возрождения православия в России, реанимировать шаманизм? Шаманизм утрачен у нас безвозвратно, и возрождение религии народов Обского Севера теперь возможно только на христианской православной основе.

ЖИВОПИСНЫЙ ГОЛОС СВОЕГО НАРОДА

Он внес огромный, неоценимый вклад в художественную культуру народов ханты. Им создано около 400 картин, более 1400 зарисовок, эскизов, этюдов, свыше десятка объемных деревянных скульптур о быте, об истории и культуре своего народа.

Им проведено около 30 персональных выставок в нашем крае и городах России. Более пятидесяти его произведений заняли достойное место в Москве, Ялте, Суздале, Тюмени и в местных музеях. Его картины экспонировались в Польше, Венгрии, Болгарии, Англии, Германии и Франции. Произведения художника публиковались в центральных и местных газетах и журналах, его творчеству посвящено более 180 статей.

Лауреат Всероссийских смотров, почетный гражданин города Ханты-Мансийска М.А.Тебетев в настоящее время живет в Березово. В мастерской, специально построенной для художника, он работает над новой серией картин «Сосьвинские манси».

Первое наше знакомство с ним состоялось летом 1943 года. Тебетев после окончания Ханты-Мансийского медучилища был направлен в Усть-Манью — самый удаленный национальный поселок Березовского района.

В то лето я тоже после окончания Сосьвинской школы начал работать художником-оформителем культбазы. Здесь, на берегу Сосьвы, состоялось наше первое знакомство, я как раз оформлял надпись на корпусе катера «Культурник». Здесь мы дали друг другу клятву в том, что будем художниками. С тех пор прошло 56 лет. Судьбе было угодно сохранить на всю жизнь нашу дружбу и выполнить нашу клятву: мы стали художниками.

В новом знакомом мне сразу понравились скромность, теплота души, почти физическое ощущение порядочности, образ мысли и мягкие черты святого лика.

Усть-Манья пленила Тебетева своей удивительно ласковой приуральской красотой. Маленькая деревушка, в которой жили манси, была расположена в предгорьях Урала, где истоки реки Маньи очень близко подходят к Печоре. Приуральский пейзаж настолько глубоко запал в душу, что уже будучи в другом и не менее красивом поселке на Сосьве, он написал по памяти картину «Усть-Манья».

Свое очарование красотой реки Сосьвы художник воплотил в замечательных картинах «Шайтанские пейзажи». Однако Тебетев не только пейзажист, художник он многоплановый: натюрморт, портрет, сюжетные многофигурные композиции, скульптуры из дерева.

Тропинка (масло, ДВП)

Все его картины являют не только логическую, но и техническую завершенность. Кто-то из великих художников говорил, что не тот художник хорош, который пишет тихо, а тот, кто может долго писать хорошо. Митрофан Алексеевич хорошо знает, когда нужно положить последний мазок на картине, какой он должен быть «силы» и цвета, и он небольшим числом красок творит на холсте чудеса.

Учитель рисования Шеркальской средней школы (Октябрьский район) Н.М. Громак, побывав на выставке картин художника, в книге отзывов записала: «Глоксиния»... от нее невозможно оторвать глаз. Прихожу второй раз, чтобы еще взглянуть на эти цветы. Каждый листок, каждый цветок кажутся живыми, издающими аромат. Смотрю издали, подхожу ближе, не могу удержаться от желания потрогать руками их бархатистость. Снова отхожу и смотрю, смотрю... А берестяной горшочек выполнен не менее искусно. Игра света и тени — нужно большое мастерство зрелого художника, талант, чтобы так удачно передать их. Картина прекрасно исполнена в цветовом отношении, притягивает к себе ее колорит».

За свою более чем полувековую творческую жизнь художник Тебетев создал целую галерею портретов своих современников, написал около двухсот представителей интеллигенции народов ханты и манси. Первым из них был портрет его земляка и друга Андрея Александровича Ангашупова — ханты-музыканта. А в портрете отца-ветерана художник очень умело и правдиво передает внутренний мир этого человека: несгибаемую волю, мужество, житейскую мудрость, порядочность, высокую взыскательность к себе и к людям, готовность к преодолению любых ударов судьбы.

В портрет-картину «Мелодия торсаптьюха» художником заложен глубокий философский смысл — это единение человека с природой. В музыке картины «слышна» мелодия необъятных северных просторов, их неповторимая красота и сила природы, наполняющая душу человека своей красотой. Колорит этой картины весьма удачно пробуждает чувства оптимизма, слитности с бессмертностью природы, утверждая вечную ее жизнь, непрерывность и бесконечность. Такая преданность природе, красоте родного края присущи всему художественному наследию живописи Тебетева.

Наиболее полно раскрыл себя М.А.Тебетев и в живописных многофигурных композициях. Мне вспоминаются слова писателя А.К.Омельчука, который весьма образно высказал свое мнение о творчестве и значимости картин художника: «Он — живописный голос своего народа, ему было бы тяжело без своего народа, как и без его творчества был бы неполон хантыйский народ».

Художника М.А.Тебетева можно по праву назвать живописцем-историком. Главным героем его картин является народ — ханты и манси. Он знакомит через картины с историей своего народа, с его культурой, традициями и бытом.

Первой и заглавной картиной исторического жанра является большое полотно «Казачи Ермака у Самаровского мыса». Картина раскрывает период вхождения Югры в состав русского государства. Искусствовед А.А.Валов об этой картине писал: «Характерно выражено психологическое состояние сторон, с недоверием относящихся друг к другу. Живопись при обилии деталей отличается цельностью, колористическим богатством. Подобно душевному состоянию изображенных, приглушенно охристо-оранжевые тона вспыхивают на фоне серо-синих, зеленоватых масс».

К историческому жанру следует отнести картины «Богородицы-Рождественская церковь XVIII века», «Былое. Собор в Березово», «Усадьба березовского купца» и замечательное произведение — «Помолчим. Вспомним павших солдат». Эти картины показывают зрителю что было и чего не стало.

Большое число картин художника отображают быт и культуру его народа. Наибольшее воплощение его таланта, олимпом его творчества является картина «Хантыйский праздник» (она экспонировалась на местных выставках, в Англии, а в настоящее время хранится в фондах Государственного исторического музея в Москве).

Мансийский писатель Ю.Шесталов, впервые увидев картину своего земляка, воскликнул: «Глядя на твою картину, — обратился он Тебетеву, — на это самобытное творчество, снова и снова чувствую, как богат наш Север самобытным духом!»

«Хантыйский праздник» написана не только как картина социального звучания, она отразила кусочек быта маленького северного народа с присущей ему любовью к прекрасному, с эстетической самобытностью, довольно верно и глубоко показав философию искусства народов ханты. Художник умышленно подчеркнул в ней общую просветленность колорита, особую свободу в размещении празднично одетых фигур. Он внес в картину смелую игру красок, усилил их «прекрасным звучанием» национальных музыкальных инструментов. От этого вся картина обрела жизненную правду, динамизм и эстетическую выразительность.

Творчество художника Тебетева стало частью духовной культуры народов Югры, она отражает действительность, является средством воспитания людей, формирования художественной культуры и нравственности новых поколений. Величие художника — в его гражданственности, осознании, что его народ — это явление историческое.

Именно в этом главная заслуга живописца, который главным героем своих произведений избрал свой народ. Его творчество — это зеркало жизни ханты, это неоценимый вклад в художественную культуру его народа. Художник М.А.Тебетев является основоположником и патриархом профессиональной хантыйской живописи, который сделал величайший вклад в изобразительное искусство и в духовную культуру своего народа.

ПЕРВЫЙ ФИЛОСОФ ЮГОРСКОГО КРАЯ

Первым профессиональным философом Югорского края был Владимир Иванович Плесовских (1930-1985). Его дипломная работа при окончании МГУ "Система религиозных представлений ханты и манси" поразила многих его преподавателей и тем, что в нее вошли более 200 литературных и архивных источников, и многими фактами личных его наблюдений из жизни народов Югры. Работа "Динамика духовной культуры коренного населения Обского Севера" была им закончена в 1981 году и в настоящее время хранится в фондах Ханты-Мансийского окружного музея.

Вполне справедливо в своем очерке в газете "Новости Югры" (20 июля 1995 г.) журналист В.К.Белобородов, который долгие годы знал и работал с Владимиром Ивановичем, писал: "Он был одной из крупных фигур в нашей местной культуре... Он был прирожденным лидером... Он был личностью большой притягательной силы".

Семья Плесовских жила в небольшой двухкомнатной квартире при школе, в которой работала техничкой мать Владимира. Это была женщина высокого роста, крепкого телосложения, добрая, работающая, общительная и красивая, как и все полячки. В их семье было еще две дочери: Александра, похожая на мать, высокая блондинка, и красавица Зоя с пышными белыми кудрями, как и у ее брата.

Учились мы в разных классах, но были оба членами кружков драматического, музыкального и изобразительного искусства.

В школе и в Доме народов Севера были прекрасные, большие по тем временам библиотеки, и все свободное время мы отдавались чтению. Это была пора, когда мы, читая "запоем", с детских лет прикоснулись к великим и бессмертным творениям гениев русской и зарубежной классики. Владимир, обладая превосходной памятью, поражал нас не только знаниями содержания прочитанных книг. Он всегда имел свои собственные суждения, восхищая нас нестандартными и неординарными оценками прочитанного.

После окончания отделения русского языка и литературы Тобольского учительского института Владимир был направлен в Микояновский (Октябрьский) район. В Кеушинской семилетней школе он встретил свою судьбу: маленькую, изящную красавицу Веру Григорьевну Загайнову, любовь к которой он пронес через всю свою жизнь как бесценный, божественный дар, как редчайшую награду судьбы и человеческого счастья.

Вера была очаровательной женщиной, которая вызывала восторг и восхищение у всех мужчин. Ее обворожительный свет больших серых глаз, излучавший доброту и ласку, был способен покорить самого дремучего женоненавистника, воспламенить душу каждого, кому она дарила свою улыбку.

Солнечный день, 1997 (масло, ДВП)

Она обладала редчайшей музыкальной способностью. Всю свою жизнь Вера Григорьевна руководила хоровыми коллективами учителей и учащихся. Ее способность "читать" с листа партитуру голосов хоровых произведений была поистине гениальной. Вместе с Владимиром Ивановичем, который обладал большим поэтическим даром и красивым тенором, они были в центре драматических и хоровых коллективов. С их помощью люди приобщались к высокой эстетической культуре и к бессмертным творениям русской классики.

Владимир Иванович и Вера Григорьевна долгие годы работали в Октябрьском. Они возглавили художественную самодеятельность учителей райцентра. Под их руководством и при их участии в районном Доме культуры, с привлечением большого струнного оркестра школьников (им руководил замечательный скрипач Емельян Александрович Драбик, сосланный сюда из Западной Украины, которого писатель Б. Галязимов называл "Обским Паганини") систематически для населения ставились концерты, исполнительские возможности которых приобщали местное население к сценическому искусству, знакомили с русской и зарубежной драматургией.

Владимир Иванович, будучи профессиональным философом, был талантливым поэтом и художником. В своих стихах он оставил на память нам образ любимой им женщины Веры Григорьевны. О ней он писал:

...Я люблю голубое
и зеленое тоже.
Цвет земли, цвет сибирских
разливов речных.
И родных твоих глаз,
как две капли похожих
На загадки березовой
тишины.

Мать Веры Григорьевны – маленькая, подвижная, миловидная даже в своем пожилом возрасте, была не только добрым, умным, справедливым и честным человеком, – она была нашим духовным наставником. В свободные часы мы часто собирались в доме Владимира Ивановича и Веры Григорьевны, который стоял на берегу Оби. Эти встречи стали своеобразным клубом философских дискуссий, которые заканчивались чаепитием с пирожками удивительного вкуса, которые так хорошо готовила наша наставница.

Наш клуб любомудров был крайне узким и состоял из сотрудников отдела пропаганды: Ахмадшина Ю.С., Загваздина С.Ф., Мачехина Г.С. Все наши жены работали учителями школ райцентра.

О чем бы ни шла речь: о политике, искусстве, философии или литературе, лидировал всегда Владимир Иванович. Мы, его друзья, накопив приличную сумму прожитых лет, обогащенные жизненным опытом, до сих пор не перестаем восхищаться человеком, отдавшим всю свою жизнь служению науке, литературе, истории своего края, людям, населяющим его, и воплощению всего этого в его научных изысканиях, в его таланте поэта, философа, прозаика и художника.

О чем бы ни шел разговор, выводы Владимира Ивановича всегда были удивительными, грамотными. Они нас всегда удивляли своей логикой и страстностью. В его речи никогда не было дежурного шаблона и штампов догматики обычной риторики.

Меня роднила с Владимиром Ивановичем особая любовь к природе нашего края. Ей мы поклонялись с детства, пережив вместе голодные, холодные и суровые лихолетья войны и посвятивших всю свою жизнь стремлению показать всеми доступными нам средствами изумительную красоту нашего края, пытаясь убедить людей в святости отношений к истории, к природе, к высоким морально-этическим воззрениям, к духовной культуре народов ханты и манси и бережном их сохранении.

Однако нас разделяло неоднозначное отношение к религиозным воззрениям народностей Севера. Наши разногласия касались принципиальных оценок шаманизма. Владимир Иванович всегда отстаивал точку зрения о промежуточной стадии и невысокой степени уровня шаманизма у народностей ханты и манси. Я настаивал на том, что Югра, как и вся Сибирь, была регионом классического шаманизма, уступавшая только Бурятии, Якутии и Алтаю.

Весной и осенью, в период летних отпусков, наш "клуб Любомудров" сужался и перемещался на левобережье Оби к ночным кострам страстных любителей охоты и рыбной ловли. Однако нас меньше всего интересовали охотничьи трофеи. Ахмадшин Ю.С., отъявленный балагур и весельчак, выражая наше общее отношение к охоте и рыбалке, часто цитировал классика: "Важен не результат охоты, а ее процесс".

Любуясь вечерними зорями, величественной панорамой Оби и всем торжественным благолепием, разлитым в благостной тишине, нас роднили восторженные чувства неиссякаемой любви к родной природе. Предметами наших разговоров были искусство, философия и литература. Здесь, на природе, я слушал первым стихи Владимира Ивановича и Юрия Спартаковича Ахмадшина, прелесть которых всегда углубляет во мне доброкачественную ностальгию.

Владимир Иванович в те годы учился в Московском государственном университете, мы с Юрием Спартаковичем были заочниками Тюменского пединститута. Как философ, Владимир Иванович исследовал динамику духовной культуры народов ханты и манси. Наши общие разговоры о религиозных воззрениях северян были постоянными. Готовясь к дипломной работе, Владимир Иванович тщательно, по крупицам собирал факты, используя весь свой личный опыт из постоянного общения с коренными жителями округа. Он накапливал материалы о шаманизме и роли в нем искусства.

Точка зрения Владимира Ивановича была и остается более проблематичной в том смысле, что шаман у народов Югры, как служитель культа, как хранитель и ретранслятор традиций, обычаев, обрядов, во всей совокупности мировоззренческих понятий и всей суммы духовной культуры в целом не раскрывает до конца сути шаманизма как религии.

Перед дождем (масло, ДВП)

Мы сидели на берегу Лорбинской протоки после прихода с "утренней зорьки". Легкий туман рассеялся над голубой полоской лесистого правобережья Оби. В далеком розовом мареве неторопливо вставало ласковое сентябрьское солнце.

Было то начало "бабьего лета", которое в нашем крае часто бывает "бархатным сезоном". Хрустальный звон тишины, освободившейся от гудения гнуса, и природа, расцветенная буйными красками наступающей осени в разливах рек и озер, с ее щедрыми дарами ягод, грибов, рыбы, дичи, пышущая ядерной силой, с пьянящим ароматом сосновой и кедровой хвои и золотыми куполами березовских перелесков. Рядом с нашей палаткой, которую мы называли "литературным салоном", у самой воды перед нами разгуливали важные, как генералы, кулики, турухтаны и веретенники. Над тальниками и вдоль протоки пролетали с шумом торопливые чирки. Где-то далеко-далеко на озерах слышались печальные крики гусей, собиравшихся в табуны для осеннего перелета. Высшая гармония, разлитая в природе, незабываемые мгновения прекрасной осенней поры на речной протоке, мудрая тишина, скрытая от человека в ее мыслящем миротворении и в буйной вибрации всезаполняющей Вселенной, укладывались в душе поэта-философа, позднее написавшего прекрасные строчки об этом:

Я грыз гранит веков бытия,
Постичь хотел причину
всех чудес.

Но, видно, философия моя
Еще дремала, как осенний лес.
А фолианты древних мудрецов
Внушали мысль,
Что есть в конце концов
Святая философия небес.

Теперь я с полной уверенностью могу сказать о том, что эта мысль - не только кредо его жизни. Это было в целом мировоззрение философа-поэта Владимира Ивановича Плесовских, отдавшего всю свою жизнь поискам "святой философии небес".

В постоянных дискуссиях о шаманизме автор отстаивал свои соображения о том, что шаманизм на землях Югры, впрочем, как и во всей Сибири, был классическим. Однако единого мнения по этому поводу до сих пор не сформировалось.

Наши дискуссии хотя и были непримиримыми, но они лежали в одной плоскости. Несовпадение в признании шаманизма как религии или промежуточной стадии ее не исключало, а, наоборот, утверждало, что шаманизм у народов Югры был конкретной реальностью. А сами шаманы сыграли выдающуюся роль в сохранении и ретрансляции традиционной духовной культуры, ее философии и нравственности, а шаманы-целители, хранители народной медицины, спасли малые народы от вымирания. Эта мысль прошла красной нитью в главном труде Владимира Ивановича "Система религиозных верований ханты и манси".

Наша беседа на берегу Лорбинской протоки в то памятное осеннее утро окончилась чтением прекрасных стихов философа-поэта. Последние строчки его остались навсегда в моей памяти:

Как детской радужной мечте
Навеки я предан милой Югре...

Это была последняя моя встреча с первым философом Югры Владимиром Ивановичем Плесовских.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ОСЕНИ БЛИЗКОЙ ЗОРИ МАНЯЩИЕ	6
Л.Д. ТРОЦКИЙ НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ	10
БЫЛИНЫ ДРЕВНЕЙ ЮГРЫ	25
КАЗЫМСКАЯ ТРАГЕДИЯ	32
КРЕСТНЫЙ ХОД НА ОБИ	65
ВЕЛИКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ СИБИРИ	73
ГЛУБОКОЙ СТАРИНЫ ЗАВЕТНЫЕ ПРЕДАНИЯ	78
ЛЕТОПИСЕЦ ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛИ	87
СИБИРСКИЙ ШАМАНИЗМ И ХРИСТИАНСТВО	93
ЖИВОПИСНЫЙ ГОЛОС СВОЕГО НАРОДА	99
ПЕРВЫЙ ФИЛОСОФ ЮГОРСКОГО КРАЯ	103
ОГЛАВЛЕНИЕ	110

Отпечатано ООО "Александр"
Заказ № 026. Тираж 500 шт.
г. Тюмень, ул. Республики, 207, оф. 410
тел/факс: 8 (3452) 21-15-53
E-mail: print72@mail.ru

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
сроков возврата

Книга должна быть возвращена
не позже указанного срока

--	--

МКУК МВОР

0000001619

